

(Перес Гальдос «Сарагоса».
Журагоб'единение. М. 1938. 2 р. 75 к.)

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ КЕЦХОВЕЛИ

(Л. Берия «Ладо Кецховели». М. Партиздат. 1937. 2 руб.)

Грузинский революционер Ладо Кецховели, друг и соратник великого Сталина, жил и работал в то время, когда еще не существовало слово «большевик». Тем не менее его биография, написанная Л. Берия, с полным правом вошла в серию книг «Жизнь замечательных большевиков».

Ладо Кецховели проводил в Закавказье ленинские организационные принципы партийного строительства, выдающиеся Лениным в исторической работе «Что делать?» Рука об руку с товарищем Сталиным Кецховели вел борьбу против руководителей тифлисской социал-демократической организации «Месаме-даси», шедших на поводу у буржуазных националистов и видевших свою главную задачу в легальной пропаганде марксизма. Кецховели создал подпольную типографию, выпускающую нелегальные газеты и прокламации, вел среди рабочих революционную агитацию, руководил стачечным движением, организовал первые в Закавказье мавски.

«Ладо Кецховели являлся профсоюзным революционером, выдающимся организатором ленинско-искровского подполья. Он умело сочетал габюбю и тщательную конспирацию с последней связью с рабочими Тифлиса и Баку, организовывая самые сложные и трудные революционные мероприятия» (Л. Берия).

Биография Ладо Кецховели тесно связана с деятельностью товарища Сталина в 1890—1900 годах. Кецховели учился вместе с товарищем Сталиным в горьковском духовном училище. Вместе со Сталиным он создавал в Закавказье революционные социал-демократические организации. «Всю свою многогранную революционную работу в Баку Кецховели проводил по указаниям тифлисской руководящей группы РСДРП и товарища Сталина. Ладо систематически поддерживал с товарищем Сталиным письменную связь, а за указаниями и советом по важнейшим вопросам приезжал к товарищу Сталину в Тифлис и в Баку» (Л. Берия).

В сентябре 1902 года Кецхо-

если был арестован. Он и в тюрьме не прекращал революционной работы, возглавляя борьбу политических заключенных против тюремных порядков. Жандармы засекли расправившись с неповином арестантом: 17 августа 1903 года часовой убил Кецховели, выстрелив около его шеи.

По поводу убийства Ладо Кецховели Тифлисский и Бакинский комитеты РСДРП выпустили прокламацию с эпитафией из Горького: «О смелый сокол, в борьбе с врагами истек ты кровью...»

«Лучшим памятником и наградой таких борцов,— писатель отчитывает,— является отчаянная борьба с тем самодержавием, которое их убивало, с тем диким произволом, который отнимает у нас наших лучших друзей. Мы надеемся, товарищи, что воспоминание об убитом друге будет прочно в нашей памяти и это еще больше укрепит нашу веру в будущее торжество святого дела».

Жизнь и смерть Кецховели — волнующая страница из истории революционного движения рабочего класса.

«Ладо Кецховели всю свою яркую, прекрасную жизнь без остатка отдал революционной борьбе за дело рабочего класса,— пишет тов. Берия.— Его героический образ непоколебимо, безстрашною простотарского революционера воспитал не одно поколение мужественных революционеров-большевиков Закавказья и Грузии».

Испанскому народу неоднократно приходилось бороться за свою национальную независимость, против иностранных завоевателей. В начале XIX века Испания выдержала длительную войну с Наполеоном I. Победный полководец, завоевавший большую часть Европы, не мог справиться с плохо вооруженными, но храбрыми и горячо любящими свою родину испанскими крестьянами. Французские войска вынуждены были покинуть Испанию.

Испанский писатель Бенито Перес Гальдос (1845—1920), почитавший историю Испании огромную серию романов в 47 томах, под общим названием «Национальные эпизоды», описал в одной из книг этой серии осаду Сарагосы французами в конце 1808—начале 1809 года.

Непрерывную бомбардировку, взрывы мин, разрушающие огромные здания, рукопашные схватки в домах и подземных галереях, голод, жажду и оустойчивую эпидемию,— все это пришлось пережить населению Сарагосы во время осады. Но ничто не могло сломить духа осажденных. Только после того, как французы, разрушая дом за домом, штурмовали улицу за улицей, овладели большей частью города, только послед оставались без пищи и воды, среди 50 тысяч непогребенных трупов,—остаток гарнизона прекратил сопротивление.

«В славных анналах империи,— язвительно пишет Галь-

до,— мы заняли дом № 1 по улице Павостре. Мы не знаем, когда сможем занять дом № 2».

Свободолюбие и стойкость испанского народа являлись источником его неисчерпаемой энергии в борьбе с врагом. Огромное количество людей, ужаленные машинами, огромные запасы пороха, научную и материальную неподготовленность, асо силу и ум приехали завоеватели, чтобы навалиться на эту крепость, казавшуюся детской игрушкой с глиняными стенами, которые рассыпались от удара выстрелов. Но за этим хрупким материальным ослотом находилась сталь арагонских душ, которая не рушится, не гнется, не плавится, не раскаляется, не окисляется и окружает этот город как несокрушимый человеческими силами заслон. Эти строки, написанные о людях, защищавших Сарагосу в 1808 году, можно с полным правом отнести к героическим защитникам Мадрида в 1936—1938 годах.

Защитники Сарагосы совершают подвиги просто и спокойно. Девушка Мануэла Санчо увлекает в бой солдат, дряхлых людей под огнем неприятеля.

«...Все это произошло в гораздо меньший промежуток времени чем тот, который мы понадобились для рассказа. За Мануэлу Санчо бросился один, потом трое, потом многие и, наконец, все». Мануэла Санчо—достойная предшественница героинь испанского народа: Доло-ре Ибаррури, Анды Лафунте, Ланы Олена.

Повестью о героическом прошлом Испании, Перес Гальдос раскрывает перед нами черты характера испанского народа, создавшие в великой борьбе с иностранными завоевателями, черты, которые с особой силой сказались в наши дни. Сейчас, как никогда, верим слова писателя:

«Что не исчезло и не исчезнет,— это идея народности, которую Испания защищала против завоевателей и узурпаторов. Больше подвиги и падения, больше неожиданности, мнгие умирания и чудесные воскресения суждены этому народу, потому что участь его—жить в возбуждении, как саамандра в огне; но его национальная неприкосновенность есть и всегда будет неизмемой».

дос,—имеется немало таких, например, мст: «Мы вступили в Шпанду, завтра будем в Берлине». Но там еще ни разу до сих пор не встречались такие адпис: «После продолжавшегося два дня и две ночи сражения

В окопах республиканских войск на мадридском фронте.

Близится 1 Мая — международный пролетарский праздник, день боевого смотра антифашистских сил всего мира.

Во всех странах, как никогда, острожно сегодня злое дыхание новой мировой бойни. Фашизм поднял факел войны.

На фронтах Испании и Китая льется кровь рабочих и крестьян, защищающих свою родину от интервентов и фашистских бандитов. Гитлер и Муссолини идут на все новые и новые провокации, Германским фашизмом захвачена Австрия, под угрозой — независимость Литвы и Чехословакии.

Великий свободолобивый народ Испании первый принял на себя натиск мирового фашизма и вписал в историю человечества бесмертные страницы героизма. Китайские партизаны, бойцы 8-й народно-революционной армии своей самоотверженной борьбой против японских захватчиков показали всему миру образец революционной стойкости и непримиримости к врагу.

1 Мая трудящиеся нашей родины шлют антифашистским борцам Испании и Китая боевой революционный привет и пожелание окончательной победы над врагом.

А оттуда, из окопов Мадрида, с берегов Хуанки, в день 1 Мая будут звучать слова самой горячей любви к нашей стране, являющейся надеждой всего человечества.

Коммунизм — подлинная весна человечества. Только в нашей стране, стране Сталинской Конституции, возможны такие подвиги, как подвиг Паланина и его товарищей. В день 1 Мая волны радио разносят вести о новых победах стakanовцев, о новых достижениях советской науки, техники, искусства. В этот день по улицам наших городов и сел пройдут ликующие колонны патриотов, готовых в любую минуту построиться в грозные батальоны, которые разгромят любого врага, если враг осмелится посягнуть на священные рубежи нашей родины.

ВЕЛИЧИЕ И МЕРЗОСТЬ НАРОДА ЕГО ВРАГОВ

На процессе антисоветского «право-троцкистского блока» прокурор великой Советской страны перед трудящимися своей родины, перед представителями всего мира отчетливо сформулировал «основную специальность» предателя и убийцы Бухарина, которую тот вытеснил собой — напустозвонием воздушных фраз, за ссылками на Гегеля и т. п.

«Я не знаю других примеров, — сказал товарищ Вышинский в своей обвинительной речи, — это первый в истории пример того, как шпион и убийца организуя философские, как толемистские, как томы занорщить своей жертве тиза перед тем, как размокнуть ей голову разбойничьим кистенем!»

Открыть дорогу армиям интервентов, распродать советскую родину, отнять у народа все завоевания Октябрьской революции, снова посадить на шею рабочим и крестьянам капиталистов и помещиков, залить кровью всю страну — вот та программа действий, которую не удалось прикрыть Бухарину словесными выкрутками, а Рыкову — его нарочитым космополитизмом.

Маска была сорвана. Реставраторы капитализма предстают перед судом советского народа. Они мечтали о возвращении капиталистических порядков. Естественно, что и сами они являлись ярчайшими представителями этого подлого мира. Они были реставраторами не только экономического и политического строя, основанного на эксплуатации человека человеком, но и реставраторами гнусных инстинктов, чувств и побуждений, которые как ядовитые соки выделяет капиталистический мир.

Бешеное, чудовищное алголатство было манер гвардей этой шпакли.

Самоотвержение, до конца преданный делу Ленина — Сталина, болельщик Менжинский сжат тисками жестокой болезни — грудная астма и жаба душат его. Ягода, которому он мешает занять пост народного комиссара внутренних дел, все делает для того, чтобы ускорить разваление организма Менжинского.

«Действовать», с точки зрения этого палача, — значило убить человека, чтобы самому занять его место.

С подлинно фашистским извержением творила свои кровавые дела право-троцкистская банда. У истоков большого Горького дается указание о том, чтобы как можно больше нагрузить это надорванное великое сердце и беспощадно бить в самую уязвимую точку большого организма — в хронически поразенные легкие. Был мудрый, непоколебимый в своем духе и интеллигентнейшим величии человек противостоял делу реставрации того строя, о котором потешно мечтают убийцы. Ведь это он, опозоренный болезнью старик — беспощадный, неутомимый враг и обличитель кроваво-грязных инстинктов и чувств, ярчайшими носителями которых являются его убийцы.

Трудно сказать, кто из этих бандитов был более омерзитель. Если шпакли Чернов, связавшись с фашистской разведкой, не брезговал деловито и регулярно получать от нее изрядные суммы на «личные нужды», то Ягода, Крестинский, Розенгольд сами переводили на «личные нужды» фашистским разведкам кровные деньги трудового народа.

Ягода, член «право-троцкистского блока», финансирующий агента Гестапо Троцкого... Что это такое? Это — финансовое объединение родственных предприятий Делосе, коммерческое единство двух «касс», гнусная расчет лавочников, торгующих кровью.

Им было в высшей степени свойственно характернейшее для активной трусоватой буржуазии стремление зрягнети жар чужими руками, вероломно предать своих извращенных союзников и, наслав вытерев окровавленные руки, молниенно и ханжески сложить их над еще теплыми трупами.

Иезуит Бухарин, ниспровергая в случае войны открыть фронт врагу, хотел потом отделить суд с виновниками поражения от фронта, чтобы демомогическим обмануть массы и самому выйти сухим из воды. Ягода уничтожает Борковского — своего союзника в деле убийства товарища Кирова. Каждый из участников этой банды так от другого выискивает отгнать своих извращенных коллег и самому стать полноправным индигером.

Претельством на роль российского Гитлера оказалось сразу же менее шесте человек. Да, поистине, как в настоящем «сторгом» деши, этии предприниматели от ножа и пети и велась двойная бухгалтерия. Каждый, поодо и вероломно обманывая страну и советское правительство, одновременно пытался обмануть, обидеть, половец использовать, а впоследствии половец «прижать» своего союзника...

Мудрено ли, что когда фирма с треском провалилась, они сцепились друг с другом как пауки в банке.

— Во всем виноваты Бухарин и Рыков, а я не был членом центра! — вопил Ягода.

И я не имею ничего общего со шпионажем! — унывал Бухарин.

— Вы врете, не врите хотя бы в последний раз! — с места кричал ему Шарангович.

Расширение лазутчиц капиталистического мира, они вели

на себе груз свинойвой тупости, предрасудков, интеллектуально-го убожества этого родного им мира.

У шпакли Розенгольда при обыске нашли в штанах кусочек сухого хлеба завернутого в бумагу; «да носокернет бог и раточасно врази его и да бежат от лица его, все ненавидящие его, яко исчезнет дым да исчезнет, кто таег сок от лица его, тако да погибнут бесы от лица любящих бога...»

Какое нужно было иметь двойное дно — не только политическое, но и психологическое, чтобы совмещать фальшивые благоговение перед теорией Маркса с этой тайной, подпольной, анахарской верой в бессмысленные заклинания!

Максим Горький в замечательной статье «О Предателе», подвергая тщательному анализу фигуру провокатора Эдуарда Азефа, указывал на характерное для этого подлога стремление к божеволению.

«Сидя в тюрьме, он вспоминал, что для удобства мещан создавал, между прочим, бог и в письме к «Роскошной» (его любовнице. — В. Г.) писал: «Бог должен дать мне силы. С божеей помощью и все перенесу».

Нередко нечеловеческая подлость озверевших мещан заставляет предвзвешать в них нечто демоническое, таинственное. Однако! — заблуждение.

Продолжая анализировать все того же грязного предателя Азефа, ближайшего родственника фашистских мерзавцев из «право-троцкистского блока», М. Горький писал:

«Как большинство героев, он оказался «дурман», а в сущности был чудовищно «сростой человек...» Он был жирный, толстогубий, сентиментальный. В письмах к своей возлюбленной он именовал себя «той единственной зайчик», «той палочкой».

Противоречивый натурой «дурман» М. Горький заключает свой анализ соотношения фактически фотографическим сравнением: «Среди мещан встречаются натуры не менее глубокие чем помойная яма».

И как увязывается с этим замечанием великого зятючка и обличителя мещанской души Максима Горького то, как вели себя в последние минуты подкудомы. Злодейски убив таких светлых, замечательных, незабвенных людей, как А. М. Горький, С. М. Киров, В. В. Куйбышев, В. Р. Менжинский, они осмелились перед общественным мнением всей страны, перед лицом всего мира настоятельно и жалко просить сохранить им жизнь. Вот они — «дурман» и «слоянность» современных рыцарей фашизма!

Всем своим мыслями, инстинктами, всеми чувствами эти забеснившие волки жаждали того строя, который создали для них, как палач для гноя, как перетой для черной! Ах, как удобно устроил бы этих господ собственнический строй! Как нетрудно представить себе Розенгольда с его молитвой, заштой в брюках, в роли главы капиталистического концессионного предприятия! Как нетрудно представить себе Ягду преувеличиваям аэромодельным начальничком департамента полиции! Как нетрудно представить себе Бухарина отратительным фашистским демомогом типа Гоббелса!

Этим гадом пошло дышать в Советской стране. Каждый день, каждый час чувствовали они, что раньше или позже будут разоблачены и убиты. И они не ошиблись. Они были разоблачены, и приговор суда был приговором всего советского народа.

Ведь если задать себе вопрос, почему срывались все планы замышленников, вредителей и убийц, то нужно сказать, что это великий советский народ своей гудной ненависти, своего зелья и своих волей. И разве сила советская разведка не сильна именно своей теснейшей связью с миллионами патриотов нашей страны!

И как знаменательно, что рядом с отчетами о процессе газеты публиковали сообщения награждения героев и бойцов Рабочей Крестьянской Армии! Как знаменательно, что во время процесса к берегам советской земли все ближе и ближе подкочили, ледолок «Брэм», на борту которого находились героические разведчики Северного полюса, лучшие люди Советской страны! Знаменательно и то, что в это же время с огромным подъемом подняли совещания активов работников обриворной промышленности, работников совхозов, работников Наркомтяжпрома и т. д.

Кровавая троцкистско-бухаринская банда уничтожена. Эта шпакля фашистских расов — оруженосцы контрреволюции, убийцы и шпакли оной — ступила с лица советской земли. Очищена от последней мерзости дорога, по которой идет наш народ вперед, к коммунизму.

Каждый день, каждый час в нашей стране охраняются все новые и новые победы. Несомненно морально-политическое единство советского и то, что в это же время с огромным подъемом подняли совещания активов работников обриворной промышленности, работников совхозов, работников Наркомтяжпрома и т. д.

Каждый день, каждый час в нашей стране охраняются все новые и новые победы. Несомненно морально-политическое единство советского и то, что в это же время с огромным подъемом подняли совещания активов работников обриворной промышленности, работников совхозов, работников Наркомтяжпрома и т. д.

Правда живет. Она живет, совершенствуется. Она живет и вечно будет жить в священной ненависти к врагам, в неослабимом стремлении народных масс строить коммунизм под знаменем великих вождей трудящихся — Ленина и Сталина.

ПРИГОВОР СУДА — ПРИГОВОР НАРОДА.

Из стихов 1928 года

Десяток кораблей
меж льдами
северными
и возвращаются
с потерей самолетов
и людей...
и ног...
Всемирному
«перпетуум-Нобиле»
пора
попробовать
Фашистский генерал
на полюс
На Нобиле —
Не карты полюсов
он вез с собой,
а крест,
громдаейший крестиче...
Аэростат погиб.
Отдавши честь
рукой
предав
товарищей,
бежал
Со скользкой толщи
льдистой
лед

Стихотворение «Крест и шампанское» написано Маяковским в 1928 году: в связи с победой авиационной генерала Нобиле к Северному полюсу на дирижабле «Италия». Истерично-аварием участники экспедиции были спасены советским ледоколом «Красин».

вопл о помощи:
«Эс-о-Эс».
Не сговорившись,
взрывод
выходят
Одних
ведет
веселый
других —
Европа
гибель
предвещала нам по карте,
мешала,
когда
в неведомые
железный «Красин»
лез,
винты завернивая.

Советских
легчиков
ввиваются глаза.
Нашли!
Разысканы —
И «Красин»
итальянцев
подбирает, показав,
что мы
хозяйничаем
Теперь
скляните вы,
что нахалтурили
Не от креста ль
Мы ждем
от Нобиле
Чего сбежали?
Он умер?
Дивите
а мы,
работу
делали
и делаем..

ВО СЛАВУ РОДИНЫ

А. ФИНОГЕНОВ*

НА МОСТИКЕ ИВАН ФЕДОРОВИЧ

В полдень 7 февраля ледовый корабль «Мурман» протажными гудками попрощался с родным Мурманском. На Кольский залив спустился густой туман, но несмотря на это корабль дал полный ход, чтобы скорее выйти в открытое море.

На капитанском мостике с биноклем в руках стоял ледовый капитан Иван Федорович Котцов. Страна поручила ему отправиться в суровые и неведомые воды Гренландского моря, чтобы спасти паланинцев со льдины.

* Автор очерка — корреспондент «Комсомолецкой правды», участвовавший в экспедиции по спасению паланинцев со льдины на ледоколе «Мурман».

Иван Федорович — потомственный моряк. Его предок был архангельским матросом. За отважное плавание в Северном море Петр I наградил матроса званием «корабельного воина», как тогда назывались моряки, и пожаловал ему грамоту.

Иван Федорович Котцов достойно продолжает традиции своего предка.

...Стояла ненастная октябрьская осень 1934 года. Крутые сутки было почти темно. Сплошной туман сбивал корабль с пути. Свирепствовал десятибалльный шторм. Но ничто не могло остановить корабль «Таймырь», спешивший под водительством капитана Котцова к Земле Франца-Иосифа, чтобы принести на борт отважного зимовщика Ивана Дмитриевича Паланина. Свой ледовый поход капитан Котцов завершил с че-

стью, впервые в истории моргалавания преодолея путь к Земле Франца-Иосифа в осеннее время года.

И теперь, спустя четыре года, капитан Котцов снова шел к Паланину. Но этот поход был неизмеримо труднее...

ПОДВИГ КОМСОМОЛЬЦА БРАТОНОВА

Была полночь, когда наш корабль вошел в Норвежское море. В машинном отделении вступала на вахту очередная смена машинистов. Машинист комсомолец Братонов, закончив работу, собрался идти отдыхать. Неожиданно корабль сделал такой сильный наклон, что Братонов упал и кубарем покатылся по лестнице. Он быстро поднялся и посмотрел на кренометр. Стрелка показывала

более 50 градусов. Еще 2—3 градуса, крезна— и корабль может перевернуться.

Братанов побежал вверх. Через палубу с грозным гулом перекатывались огромные волны.

Навстречу бежал механик Лобзин.

— В чем дело? — спросил Братанов.

— Нужна срочная помощь: испортился руль.

Чтобы исправить руль, нужно спуститься в румпельное помещение, которое находится на корме. Но как туда попасть, если корма вся в воде?

Никому ничего не говоря, Братанов вернулся в машинное отделение, схватил разводной ключ и снова выскочил наверх. Спрятав в румпельное помещение, он очутился по пояс в желтой воде. Нужно было отвинтить на дне железную пробку и выпустить воду в нижний балласт. Братанов зацепил ключом за пробку. Ключ все время скользил в руках. Соленая вода раз'едала тело; ноги и руки застывали от холода.

Через сорок минут пробка отскочила, и вода ушла в нижний балласт. В это время по корме на помощь к Братанову прибегался механик Лобзин. Неожиданно подкравшись сзади волна сбила механика с ног и начала швырять по палубе, увлекая в море.

Братанов напряг последние силы и выскочил на корму. Он упал на механика, чтобы своей тяжестью задержать его на палубе. Помедли Братанов еще секунду — Лобзин перекатился бы за борт корабля.

На рассвете рулевое управление было исправлено и на корабле снова началась нормальная жизнь. Началась аварийная работа по ликвидация последствий двухдневного шторма.

«Мурман» снова полным ходом начал следовать по курсу, приближаясь к Гренландскому морю.

ГДЕ ЧЕРЕВНИЧЬИ?

На седьмые сутки похода «Мурман» вошел в крупно-битый лед Гренландского моря. Теперь вокруг нас простиралось необъятное ледяное поле.

Вдали, на горизонте, показались горные цепи, снежный покров которых блестел на солнце. Это была Гренландия. Где-то недалеко от гренландских берегов дрейфовала льдина Папаняна.

Двигаться дальше чрезвычайно трудно. Ледяные торосы не под силу нашему кораблю.

Мы начали искать льдину, на которой можно было бы устроить аэродром. На палубе корабля летчики и механики принялись собирать самолет. Через сутки корабль пробился к большой и гладкой льдине размером 500 X 500.

Каждый из нас, спустившись на лед, взял в руки кирку или топор. Он прошло и двух часов, как льдина превратилась в перокалассый аэродром. Зашумел мотор самолета. Летчики Черевничай и Карабанов сели в кабину.

— Если можно, захватите с собой Папаняна! — крикнули мы пилотам.

Через полтора часа над аэродромом загудел самолет. Он шел прямо на посадку. Но что мы увидели? В кабине вместо ожидаемых нами трех человек сидел один, и этот человек был нам незнаком. Выйдя из кабины, он отрекомендовался:

Самолеты «Таймыра» перед разведывательным полетом к лагерю Папаняна.

Героическая четверка подписывает отчет товарищу Сталину об окончании работы дрейфующей станции «Северный полюс».

фото Я. Халин.

— Я летчик Власов, с борта «Таймыра». Вылетел в разведку, хотел приземлиться на льдину около своего корабля, а льдину размыло. Вот и решил сесть у нас...

Только мы начали знакомиться с Власовым, как над аэродромом снова загудел самолет. Это прилетел Черевничай.

— Где Папаняна? Где лагерь? — забросали мы вопросами Черевничаго. Развода руками, он отвечал:

— Лагерь Папаняна не обнаружил... Сейчас почему снова...

Со второй разведки Черевничай обещал вернуться через час. Но прошло уже три часа, а он не возвращался. Настала темная ночь, на небе ни звездочки.

Этой ночью никто не спал. Все взгляды были во мрак: не вспыхнет ли световой сигнал? Ведь Черевничай, улетая, захватил с собой 20 световых ракет. Но туман так

сильно окутал корабль, что ничего нельзя было различить.

Утром Власов вылетел на поиски Черевничаго. Мы все, стоя на аэродроме, с нетерпением ожидали его возвращения. Все молчали. Тишину нарушил прибегавший на аэродром радист Яровицын. В руке у него трепыхался листок бумаги.

— Радио от Кренкея. Власов сел у Папаняна!

— Ура! — закричали мы и бросились на корабль к радиорубке, но Яровицын остался нас.

— Власов уже вылетел обратно! Да выли он летит! — Яровицын указал пальцем на черную точку на горизонте, которая все увеличивалась.

Не успел Власов спуститься в кабину на лед, как мы подхватили его на руки и начали качать. Вот что он нам рассказал:

— Полетел я искать Черевичного, а нашел Панинина... Лечу, все время гляжу вниз, не покажется ли где самолет. И вдруг вижу: какая-то ледяная нубушка, а по бокам натянуты палки, на палках — одежка.

У ледяного домика стоит человек с киноаппаратом и крутит ручку. Откуда здесь кинооператор? Вскоре я разглядел еще троих людей. Они махали нам руками. У киноаппарата, как я узнал потом, был Иван Дмитриевич Панинин, который снимал на пленку прилет самолета. Один из зомовичков стал показывать мне рукой обратное направление. Я догадался, что мне указывают путь к аэродрому. Повернул обратно. Вскоре я приземлился на хорошей, гладкой льдине, где были расставлены черные флажки, указывающие место посадки... Через 15 минут на аэродром прибежал Панинин. Мы крепко обнялись. От радости я даже заплакал. «Хорош ли наш аэродром?» — спросил Панинин. «Очень хороший, просто как настоящий», — ответил я Панинину... Начинало темнеть. Панинин торопил: «Скорее назад, а то заблудитесь!» Прошавсь со мной, он говорил: «Пока не найдете Черевичного, мы лагеря не покинем». «Обещано найти Черевичного», — ответила я. Я сел в машину, сделала прощальный круг над лагерем и полетела обратно.

Власов задумался. Его лицо вдруг стало мрачным.

— Завтра, — сказал Власов, — я должен непременно найти Черевичного...

ПАНИНИН ГОВОРИТ: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ»

А в 40 миль от «Мурмана» на льдине сидели Черевичный с Карабазовым и оживленно беседовали между собой. Посадыа была вынужденной: летчиков настиг туман. Вечером начался пурга. Черевичный выпустил в воздух несколько ракет, но ответа не получил.

Пилоты захватили с собой шоколад и ветчину. Поужинали. Кругом завывал ветер. Было холодно. Оба пилота забралась в кабину самолета. Спать решили поочередно по два часа. Первым заснул Черевичный, Карабазов остался дежурить. Вдруг вправо от самолета Карабазов увидел огромное белое медведя, который шел прямо на них. Пилоты не растерялись. Он толкнул ручкой Черевичного, а сам наставил ракетный пистолет. Черевичный выстрелил наугад, но медведь продолжал приближаться к самолету. Карабазов нажал курок пистолета и выстрелил в медведя зеваной ракетой. Медведь завалился на задние лапы, завыл и побежал в сторону... Больше он не появлялся.

Утром пурга стихла, выгнуто солнце. Черевичный обрадовался и стал запускать самолет, но мотор отказался работать. Черевичный достал паяльную лампу, чтобы нагреть мотор, но лампа не успела разогреться, как допнула клапан.

— Наступила вторая ночь. На «Мурмане» тем временем никто не спал. Летчик Власов не сходил с капитанского мостика.

Ровно в час ночи на горизонте замелькали огоньки.

— Черевичный жив! — закричали на корабле.

Тотчас же в ответ на сигнал Черевичного мы выпустили в воздух несколько ракет.

Штурман Иващенко заделегировал то место, где появились огни Черевичного.

Утром к месту огней Черевичного вылетел Власов. Через два часа он привез летчика Карабазова, а к вечеру среди нас был и летчик Черевичный.

Власов победил в радиорубку. Он вывазил дрейфующую станцию «Северный полюс» и сообщил Панинину радостную весть: «Обещание выполнено: Черевичный и Карабазов найдены и доставлены на корабль».

Утром мы получили от Панинина радиogramму, в которой говорилось:

«Добро пожаловать! У лагеря образовалась разводье. Можно подойти кораблем. Желаем успеха».

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ПЕЛЬ

В ночь на 19 февраля мы оттаивать увидели облака огня. Это панинцы жгли костер. «Мурман» протяжными гудками приветствовал отаженных зомовичков. Мощные лучи нашего прожектора осветили льдину Панинина. Рядом с нами пробивался «Таймир», который также, нарушив безмолвие Арктики, протяжными гудками приветствовал героических сынов родины.

В 13 часов «Мурман» подошел к льдине Панинина. Через несколько минут у этой же льдины встал «Таймир».

Мы быстро спустились по канату на лед. Лагерь Панинина был расположен в полутора километрах. По пути пришлось преодолевать острые торосы, небольшие трещины. Мы спотыкались, падали, но все это было нам ничем. Каждому хотелось как можно скорее вылезти панинцев, пожать им руки, обнять, расцеловать. Вот и они! Панинин высоко поднимает знамя с портретом Сталина. Рядом Крексель, Ширшов, Федоров.

— Ура-а-а! — загремело в ледяных прощорах.

Мы бросились в объятия панинцев.

— Здравствуй, здравствуй, братки родные! — приветствовал Панинин команду «Мурмана».

Как только к лагерю подошла команда «Таймира», Иван Дмитриевич поднялся на ледяную сопку и открыл митинг.

Волнуясь, он произнес речь, в которой благодарил великого, родного Сталина за отеческую заботу и внимание.

В ответ загремело дружное «ура». Панинцы выхватили из кобур нагань и, подняв их вверх, дали несколько приветственных салютов.

ПОСЛЕДНЯЯ РАДИОГРАММА С ЛЬДИНЫ

Иван Дмитриевич, как гостеприимный хозяин, ведет нас в лагерь. Слышен собачий лай: это бежит навстречу пес «Веселый».

Лагерь... Один из трех ледяных домиков принадлежал Крекселю. В этом домике по радионастижкам сидит Эрнст Теодорович. Он отстуживает последнюю радиogramму за № 1565. Ее краткий адрес близок и дорог для каждого: «Москва Кремль Сталину».

За 4 часа команды «Мурмана» и «Таймира» перенесли на борт корабля все имущество станции «Северный полюс».

В 17 часов за борт «Мурмана» вступили И. Д. Панинин и Э. Т. Крексель. В то же самое время по трапу «Таймира» поднимались Е. К. Федоров и П. П. Ширшов.

«ОТКУДА НА ЛЬДИНЕ ЖЕНЩИНА?»

Корабли двинулись к родной земле. Панинин и Крексель долго смотрели на свою льдину, где редко было знамя, освещенное мощными прожекторами обоих кораблей.

— Иван Дмитриевич! — окликнул Панинин вахтенный дежурный. — Ванна готова. Можете идти мыться.

Вечером в каюту к Панинину пришел врач.

— Как вы себя чувствуете? — спрашивал врач.

— Отлично, браток.

— Как у вас аппетит?

— Ничего. Телянка с'ед, на корову поглядываю, — ответил Панинин доктору.

Утром за чаем, мешая в стакане сахар, Крексель рассказывал:

— Утром сплю... Вдруг слышу стук в дверь и чей-то женский голос. «Ну, — думаю, — откуда это на льдине женщина появилась?» Протирал глаза и вижу, что я не на льдине, а в каюте. Меня валя буфетчица Маруся пришла к чаю будить...

ЗДРАВСТВУЙ, РОДИНА!

Ночь на 21 февраля навсегда останется в памяти каждого участника экспедиции. В эту ночь в безмолвной пустыне Арктики, среди ледяных торосов, встречались три корабля.

Отаженных герои-панинцы, тепло попрощавшись с командами «Мурмана» и «Таймира», перешли на борт ледокола «Ермак».

На рассвете «Ермак» тронулся в путь. Он спешил к застрявшему во льдах «Мурману», чтобы взять его на буксир и вместе с ним следовать к родным берегам Страны Советов.

С борта ледокола «Ермак» Иван Дмитриевич Панинин и Эрнст Теодорович Крексель обратились с приветственным письмом к своим молодым соотечественникам. В этом письме они писали:

«Направляясь к берегам родины, мы бесконечно рады приветствовать через «Комсомольскую правду» советскую молодежь, славных сынов и дочерей ленинского комсомола.

...Советская молодежь послала на нашу дрейфующую льдину двух своих замечательных представителей — Женю Федорова и Петю Ширшова. Трудно было подыскать лучших товарищей по работе. Большое им спасибо. Однако да разрешено будет нам сказать, что мы двое не забываем себя в старике. Разве можно в наше время, в нашей стране не быть молодым!

До скорого свидания, наши молодые соотечественники!»

Это свидание, свидание героев-панинцев со всем советским народом, превратилось в грандиозную, незабываемую демонстрацию великих побед социализма. Знамя, которое панинцы привезли с вершины ледяного шара, они вручили тому, кто вдохновлял их на беспримерный подвиг, — товарищу Сталину.

Зорька

Зорька — бледная, худенькая девочка с двумя косичками, курносенькая, с большими чудесными голубыми глазами. В классе она как самая маленькая сидит на первой парте. Ребята любят Зорьку, хотя относятся к ней несколько покровительственно: «Каранет, в ленту будешь играть?» «Каранузник, ты по арифметике задача решала?»

В конце концов Зорька перестала обращать внимание на эти прозвища. Училась она хорошо, была активной пионеркой. Подруги любили ее за веселый и открытый нрав. Впрочем, у Зорьки была одна «тайна». Зорька отчаянно боялась метро, т. е. не метро вообще, а одной его части — движущейся лестницы — эскалатора. Трусость ничем не объяснима и непонятная, но преодолев ее Зорька не могла.

Каждый раз, приближаясь к эскалатору, она испытывала трепет. Не ревяла ездить одна, девочка суеверно испугалась за тех, кто ее сопровождал. Она широко открывала свои и без того огромные голубые глаза и почти не дышала во время плавного, медленного подъема или спуска.

В семье Зорька росла одна. Она редко видела свою мать, добрую, увлекающуюся женщину, весьма посредственную актрису одного из драматических театров. Редко встречалась она и с отчимом, крупным хозяйственным работником, руководителем одного из промышленных объединений. Мать любила Зорьку, но неуравновешенная, взбалмошная ее натура особенно ярко проявлялась в отношениях к дочери. Случалось, попорывавсто обнив Зорьку, она внезапно отстраняла ее от себя и трагически восклицала, словно обращаясь к невидимому зрительному залу:

— Ну, в кого, в кого ты такая прозяблая! Нет... нет! Артистка ты не будешь... Рот... нос! В тебе нет ничего от матери, ты копиа Алексеев.

Зорька уже привыкла к этим мольбам матери. Она терпеливо выслушивала их и,

когда мать задавала вопрос: «Ну, в кого, в кого ты такая?» — она сама спешила ответить: «Я прозяблая, я в лапу, и копия папы Алексеева».

Папа Алексеев... Это было давно. Семь лет назад отец Зорьки, на правлений партийной организацией на жребю, заготовки, погиб от пули классного врага. Зорька помнит, как пришло известие об его смерти, как плакала мама, как пусто было в доме. Зорьке тогда было всего пять лет, но память об отце, таком простом, веселом, голубоглазом, она пронесла и сохранила через всю свою маленькую жизнь.

Зорька часто думала об отце. Обычно это бывало ночью, и в эти минуты девочка казалась старше своих лет. Она лежала, закрыв глаза, губы ее тихо, беззвучно шевелились... Папа Алексеев... Зорька разговаривала с ним, делилась со всеми успехами, неудачами. Каждый раз, вспоминая отца, Зорька думала о тех, кто его убил. Как она не завидела их! Ручонки ее в эти минуты зажимала в кулаки. Ненависть, большая, жгучая, недетская, переполняла Зорьку.

В пионеротряде проводились беседы о близости. Важный хорошо и просто рассказывал о врагах, об их хитроумных, коварных методах и приемах. Рассказывал он и о чинистах. На этих беседах Зорька была самой внимательной. Ничто не могло отвлечь ее внимания. Она слушала тихо, затан дыхание. Она могла долго так сидеть и слушать, слушать без конца.

Дядя Федя (так Зорька называла своего отчима) хорошо относился к ней. Он часто привозил ей конфеты, иногда в выходные дни катал ее вместе с матерью на машине.

— Ах, Зорька, Зорька! Ну что за имя тебе отеч-то дал, не человеческое, а солнечное какое-то. Назвал бы Зойкой — проще и лучше, — часто говаривал ей дядя Федя.

— Хочешь, мы тебя в Зойку переделаем?

Но Зорька категорически отказывалась от всяких перемен. «Папа знал, как назвать», — обижено говорила она.

Дни проходили, приближались летние каникулы. В зелен одевались московские парки, жарко было в городе с его асфальтовыми мостовыми и громадами каменных домов. Приближение лета особенно чувствовалось в школе: смех слышался из открытых окон, шумной ватагой выпсыпала детвора на школь-

ный двор во время перемен, и особенно долго и настойчиво приглашала вернуться в класс школьный звонок.

Сегодня занятия кончились раньше обычного: не было двух последних уроков.

— Каранузник, пошли домой! — позвали ребята Зорьку, и шумные улицы приветливо встретили стайку маленьких школьников, из которых самой маленькой была Зорька...

Дверь открыл дядя Федя.

— Дядя Федя, вы где дома?

— Зорька, ты так рано?

В гости отчима слышалась чуть прикрытая досада.

— Вот что, девочка, ко мне один знакомый должен прийти. Мы будем работать, а ты иди погуляй. Погода хорошая, теплая, а здесь ты будешь нам только мешать. Иди, Зорька, иди.

Он ласково ее выпроваживал, подбуживая за плечи. Зорька была рада побегать одна, только вот книжки надо положить. Вприпрыжку бросилась она к себе в комнату. Почти в ту же минуту ревер и властно прозвучал звонок.

И здесь дядя Федя совершил нечто непонятное для Зорьки. Прежде чем открыть входную дверь, он подбежал и захлопнул

Зорька шла, стараясь не упустить из виду странного гостя.

дверь зорькиной комнаты. В коридоре послышался тяжелые шаги.

— У вас никого нет? — спросил незнакомый мужской голос. Дядя Федя стал что-то тихо объяснять. В его голосе Зорька уловила какие-то незнакомые извивающиеся нотки, но слов не разобрала. «Обо мне, наверное», — подумала она. Дядя Федя с горестно прошел к себе.

У Зорьки пропало желание гулять. Важен росло и крепло любопытство: кто это пришел к ним? Почему пришедший спрашивал: один ли дядя Федя в квартире? Наконец, почему дядя Федя отсылал ее гулять, а сам приехал днем с работы? Ведь сколько раз к нему приходили по вечерам, что-то писали, чертили, выкуривали массу папирос и всегда мама и она оставались дома. А сегодня все как-то по-особенному, и комнату зачем-то закрыл, не хотел, чтобы она видела пришедшего...

— Дядя Федя, уходи! — звонко крикнула Зорька. Она пробежала по коридору, крепко стуча ногами, щелкнула замком, хлопнула входной дверью и... осталась.

Тихо, с искривлением от удовольствия глазами (как хитро она все придумала!) протарасилась девочка обратно, увидевши бы пришедшего... Может быть, он уже был у них? Зорька приблизилась к двери и замерла.

Дядя Федя говорил очень громко:

— Это безумие! Ваш телефонный звонок застал меня врасплох. Вы у меня на квартире днем, это — просто сумасшествие!

— О, мой дорогой, вы трусоваты, вы чертовски трусоваты, — немного насмешливо превращал дядю Федю другой голос.

И Зорька обратила внимание, что этот, второй голос неправда, с незнакомым акцентом, произносит русские слова.

— Что ужасно в том, что я, представитель иностранной фирмы, посетил уважаемого управляющего трестом, который у нас покупает оборудование для своих заводов? Что ужасного?.. Но дело не в этом, — теперь голос звучал резко. — Мы возмущены вашей медлительностью. Кажется, мы во многом попали вам навстречу... Средства на работу вашей организации даются безотказно... Итак, в чем же дело? Чем объяснить подобную медлительность? Сведения о це-

хах мы еще полностью не получили... Взрыв на экспериментальном не подготовлен...

Снова послышался голос отчима, тихий, словно просиющий.

— Чуть! Чуть! — перебил его голос незнакомца. — Вы же хозяин треста! Уберите чересчур беспокойных людей. Покопайтесь,

Ее внимательно слушал, делая отметки в блокноте, человек в защитной гимнастике.

посмотрите, что они собой представляют, а потом увольте их, как это... а порядке бдительности, что ли... Все же еще похвалят — Незнакомец густо, сонно рассмеялся.

Потом они заговорили вполголоса. Зорька ничего не могла разобрать, но она когда-нибудь о злобещей тайне дяди Федя.

Зорька почувствовала огромный страх. Ей хотелось плакать громко-громко. Но она

сдержала слезы и тихонько, на цыпочках вышла из квартиры. Осторожно закрыл за собой дверь, Зорька шла на ступеньки и заплакала. Она чувствовала себя обманутой, потому что ласкал и баловал ее не дядя Федя, которого она знала, а кто-то другой, непонятный, скрытный, чужой.

В ее слезах была и беспомощность: она не знала, что делать. Нужно было решить что-то, но что? Наверку шелкнула замок. «У нас», — подумала девочка.

Осторожный, боязливый скрип ботинок. Мимо Зорьки прошел человек... Зорька встала и пошла вслед за уходящим. Яркое солнце осветило Зорьку шла, вытирая кулачками глаза, стараясь не упускать из виду странного гостя.

Вот на мостовой застыла с вытянутой рукой милиционер, пропускал поток машин и людей. Зорька рванулась было к милиционеру, чтобы сказать все, что знала, попросить помощи, но тот, увидевши ее, ухмыльнулся и Зорька отказалась от своего намерения.

Навстречу засияло огромное «М». Незнакомец быстро вошел в вестибюль метро. Перед Зорькой встало новое испытание. Люди шли непрерывным потоком, озабоченные, деловитые... Гикто не обращал внимания на маленькую, заволапванную девочку, озиравшуюся по сторонам. Что делать? Тот чужой человек уходит! Он уже исчезал за поворотом...

С замершим сердцем, сцепившись в перила, попыла девочка вниз. Двери подземного поезда, расступившись, приняли Зорьку вслед за тем, кого она догоняла, и легко сомкнувшись от золотистого крика «Готов!»

Через полчаса маленькая девочка с двумя косичками за спиной, запомнив номер дома и квартиры, куда вошел незнакомец, подбегала к милиционеру и что-то горячо стала ему объяснять.

А еще через некоторое время в большом полукруглом кабинете ее внимательно слушал, делая отметки в блокноте, человек в защитной гимнастике, с красными петлицами.

«Дядю Федю» арестовали той же ночью. Он оказался трюкником, связанным с иностранной разведкой, врагом своей родины и своего народа.

Мы жали им руки сквозь шторм...

Он хмур, этот край. Он в торсах по поясу. От взлохов его возникает пурга. Но люди искали дороги на полюс, Вторгаясь в тяжелые, злые снега.

И было их много, но все одиночки. За ними никто никогда не стоял. И северу гоним полярною ночью Дыханьем своим их назад отгнал.

Торсы сходились, борта прошибая, И жены на снегу старели от слез... И полюс, снега в чистоте сохраняя, До нас свою хмурую стойкость донес.

И мир изумился: безмозло и просто Прошла самодеты в тумане — и вот, Тигаасы моторами с мощью народа, Уселись на полюсе, прямо на лед.

Страна снаряжала и днем их и ночью, И, силы скопавши и лед не спросив, — Ударом одним, ослепительно точным, Свой флаг на земной утвердила сн.

Затем самолеты исчезли в тумане. И явственным стало шуршание льдин. И Федоров, Кренкель, Ширшов и Пананин Остались со льдами один на один.

Мы видели издали четко друг друга, И если мороз был напорист и лих, Мы жали им руки сквозь шторм и сквозь вьюгу

И грели им пальцы в ладонях своих.

Как двигалась ледина, мы полярною прекрасию. Ссадили за ней мы с любой стороны. И путь на воде ее вычерчен ясно, И морю оставлен, как подпись страны.

Г. Померанцев

Вспомогательные

Вспомогательные

В одинокий чум полярных охотников — братьев Кузюки и Бакули Силановых — я попал случайно во время одного из арктических перелетов. Чум был расположен на крайней точке Таймыра, у прибрежья моря Лаптевых, где самолет совершил вынужденную посадку.

Трое суток бешеная пурга, ветер, злобно улюлюкая, сотрала стены охотничьей хижины. К утру четвертого дня пурга немного утихла, но температура упала до 58° холода. Я дежал, закутавшись в оленью шкуру, поверх мехового комбинезона. Братья Кузюки и Бакули сидели рядом, натягивая на оленьих жилах нитки.

Вдруг в морозную тишину полярного утра ворвался какое-то животное.

— Та!.. Та!.. Та!.. Поды!.. Поды!.. Поды!.. — гремел хриплый и грубый мужской голос.

— Топор-Нога! — радостно вскричал Кузюка. Братья, бросив работу, ринулись навстречу приезжему.

К чужу карьером мчалась, поднимая снежную пыль, собака упряжка. Впереди бежал великопородный вожак — широкогрудый пес, одетый в белую с черным пушистую шкуру. Из ушек свисали выгрызуд голубоблачный человек, закутанный в меха. Грузило шагал, он приближался к передовому псу и ласково потрел его.

«Так вот он какой, Топор-Нога!» — подумал я, оглядывая плотную фигуру приезжего, его мужественное лицо, обветренное полярными ветрами, и сильные, сплюснутые глаза.

Братья Силанки рассказывали мне немало интересного о подвигах этого скромного инструктора пушиного промысла. Каждый год он совершал традиционный обезд полярных охотничьих стоянок, являлся друзьям, промышляющим зверя на бескрайних просторах Таймыра. За день до его приезда, когда я стал расспрашивать Бакуло о способах охоты на белого медведя, мажоразговорчивый великопендикен коротко ответил:

— Вот придет Топор-Нога, однако. Поведет мы тебя на Хозяина, сам увидишь.

Уже много лет помогал Топор-Нога полярным охотникам в их трудном и опасном промысле. По следу его собакых варт мчалась за ним по тундре дорная слава. Топор-Нога лучше всех знал, как свить с песца шкуру и как хранить ее на морозе. Каким гарпунком бить моржа. Какой калкан ставить на полярного вожака. Чем заминать корм собакам, чтобы они не устали в дальней дороге. Как лучше заарь оленью упряжку... Мне была познана радость, с которой Силанки встретили гостя.

Топор-Нога согласился показать мне охоту на белого медведя — Хозяина.

— Времени у меня хватает, однако, — сказал Топор-Нога. — Топоритесь иеудка, потоготую у друзей Силановых. Только вот не знаю, найдем ли мы Хозяина.

Найдем, — отозвался Бакуля, поспеывая в упряжку.

Утро застало нас в полном сборе. Братья-пенцы ударили шестерку оленей в красивые резные нарт. Сложив в них несколько оленьих шкур, мехок с продолговатым, лару шапал и свои ру-

жья — тяжелые четырехлинейные берданы старого образца. Куюпо по просьбе Топор-Ноги вынес ему из чума длинный багор с крюком на конце. Полярный следопыт цривялал багор к заалу своих саней.

Наконец, все было готово, Бакуля взмахнул хорем и надал гортанный воглас. Олены с места ажали в галоп и помчались.

Я ехал на собачьей упряжке. Топор-Нога следом за нартами братьев-охотников. Проехал с час сторону и расставившись над заставленным морем, мы остановились. Здесь Топор-Нога посоветовал с пенцами-охотниками. Было решено, что они поедут на восток и обследуют русло безымянной тундровой реки. Их задача — найти берлогу белого медведя. Мы же сяснем к заставленному морю и вондем зверя следы лоды. Оленям по льдам не прйти: они побьют себе ноги.

Условились о встрече в самом устье тундровой реки, впадающей в море Лаптевых. Топор-Нога предупредил братьев, чтобы они не трогали медведя, если найду его берлогу. Мы с разставленным криком пенцы помчали свою шестерку оленей вправо по глубокому снежному насту. Мы же двинулись вперед, несмотря, пересекая мыс и спускаясь в море.

У нас три часа мы были в пути. Нигде не было видно ни намеса на жизнь. Мрачный пейзаж белой пустыни расстался перед нами. В полдень мы позавтракали, накормили собак и снова тронулись в путь. Проехали не больше 2—3 километров. Вдургу вожаку Мунго заболелась. Он круто свернул влево и помчался карьером, увлекая за собой остальных собак. Легкие нарты стремительно поперлись по мягкому, снежному покрову, подпрыгивая на ролках.

— Учудил след Хозяина, — провознес Топор-Нога, пыляво вглядываясь вдаль.

Не прошло и минуты, как Мунго вылетел карьером на глубокий медвежий след. Саны ушлиди к северу. Не ослабляя хода, вожак обоюдал след и заскучал, как щенок. Его волнение немедленно передалось всей упряжке. Коротко позвизгав, собаки неслись по мягкому снегу, дергаясь следы немощавого зверя.

Легкие нарты карьером обогнули большую льдину, к которой ушлиди медвежий след. Я увидел много полейны, вокруг которых теснились ледяные глыбы. Очевидно, штори здесь особенно разбушевалась. «Едва ли нам удастся проследить дальше на нартах», — подумал я, осматривая местность. Слочно прочтя мои мысли, Топор-Нога резко затормозил. Я чуть не вылетел из саней от толчка. Собаки, беспояснито визжав, в волнении натягивали постромки, пытаясь слднуть в места нарта. Но тормоз — хол, воткнули Топор-Нога на ходу крепко сидел в узкой тропе льда.

Я понял причину волнения собак, только когда увидел зверя. Как я не заметил его раньше, не понимаю. Громадный белый медведь торжественно шагал к поляны, в 50 метрах от нас. Выступ прозвучал в тишине, как резкий щелчок бича. Меткая пухля уложила зверя в трех шагах от заветной поляны, в которой он искал спасения. Опоядай Топор-Нога на одну секунду — медведь ушел был в воду. Судорожно подрагивая, зверь поплыл по льду и бесцельно плахунулся в воду.

— Вагор, багор давай, однако! — завопил Топор-Нога, бросаясь ко мне.

Дрожаями руками я отвязал багор и протянул его следопыту. Схватив багор, он огромными прыжками победил по нагреленую льдину, поспешно вставил громадную дырку. Мунго ныл от нетерпения, рвался на постромок. Мы с трудом вытаскивали таскающую тушу медведя на лед. Я любовался, с какой ловкостью орудует ножами Топор-Нога, снимая с медведя шкуру. Он торжественно закончить эту работу. Жизнь похила мотучее тело зверя. И вместе с жизнью ухотило тело. Снять шкуру с мерзлого медведя — дело беззадачное.

Вырезав окорока и филейные части, Топор-Нога бросил их на шкуру, расстеленную на льду. Аккуратно свернул ее, он завязал тяжелейший узелок на пласко, и мы шагали к нартам.

Я испытывал чувство разочарования. Если не считать погоню по следу, охота на белого медведя продолжалась всего две — три минуты. Топор-Нога утешал меня:

— Ничего. Если Бакуля лобует берлогу, увидишь, однако, кое-что будет, что скажешь друзьям в Москве.

Далеко за полдень мы приехали к устью тундровой реки. Ни Кузюки, ни Бакули в условном месте не оказалось. Зоркий глаз Топор-Ноги заметил расщепленную палочку, торчавшую на снежном бугре. На палочке болталась красивая ягачка.

— Истинно, однако, — провознес Топор-Нога сильным голосом, вскакивая на нарты. — Ожидать не могут, берут берлогу без нас ребята.

Я понял, что палочка с красной ниткой была условным знаком. Что-нибудь случилось? — азда я вопро.

Бо Топор-Нога не слышал. Он чмокал губами, щелкал бичом, оглашая воздух гортанными криками. Глубокий снег покрывал русло реки, скванное льдом. Собаки шли в тору карьером, со скоростью в 20—25 километров в час.

Когда мы взобрались на вершину подьема, необычайное зрелище открылось перед моими глазами. Бакуля, выпрыгнувшись во весь свой богатый рост, отступал от громадной медведины. В шести шагах позади него, проныриваясь в снег, сутелся Кузюка с ружьем в руках. Он никак не мог выстрелить: никак не мог поранить брата. Мед-

ведица стояла на задних лапах, из раны на шею обильно струилась кровь, окрашивая желтовато-белую шкуру зверя в рубиновый цвет. Бакуля взорвалась от медвежьих лап, оступился и упал...

Топор-Нога молниеносно соскочил с нарта.

— Держи собак!—заорала он мне, хитрая ружьё.

Но было уже поздно. Собаки в едином порыве подхватили сани и ринулись к месту схватки зверя с человеком... Тщется и старался ухватить ремённый повод, сансашищи е перекла нарт: Мунго, пружинаж свое мускулатуре тело, могучими рыжками галгал небольшое пространство, отделявшее нас от медведя.

Два выстрела прорезали морозный воздух один за другим. Зверь, вонзая лапами, обрушился своей тяжестью на Бакулю. И в это же мгновение я вывалился из нарта, очутившись в клубке взосвешанных собачьих тел.

Через две—три минуты все успокоилось. Великан Бакуля, улыбаясь, вылез из-под туши зверя и спокойно стал отряхивать снег. Топор-Нога отогнал собак. Я тер вельюно, упиленное стальным прелезом нарты. Кукю выткнула из затвора застреленная патрон. Стреляю они одновременно—Топор-Нога и Кукю. Пуля Топор-Ноги угодила врано между глаз. Пуля Кукю перебила медведю позвоночный хребет.

Через несколько минут мы узнали все подробности этого происшествия. Обследов русло реки, Бакуля и Кукю неподалеку от устья обнаружили берлогу. По небольшому отверстию, черешнему в снегу, братья определили, что зверь ушел, и встали на место.

Почуя запах зверя, оленя с трюмкам фирьяном вабили копытами по снегу. Медведица, услышав шум, высунула морду из отверстия берлоги и зарычала. Олень подхватил нарты и поспеши Бакулю. Кукю остался один. Боясь, что зверь уйдет, он стогрчаша выстрелил и ранил медведицу в шею.

Бакуля, сдержав оленя, стреножил их и поспешил на помощь брату. Раненый зверь ушел в берлогу. Тогда братья решили так: Бакуля останется у берлоги сторожить зверя, а Кукю поедет на оленях к устью, где мы установили застреленную патрон. Стреляю нас около часа, пришел к заключению, что мы почему-либо раздумываем ехать к устью. И, оставив на всякий случай сигнал—палочку с красной шткой,—поспеши к берлоге.

Братья решили добыть из берлоги раненого зверя своим любимым способом—подколом. Это—очень опасное дело, доступное только опытным и смелым охотникам. Бакуля залез в лапу и начал рыть снег, а Кукю стал ноговать с ружьём. Но раненая медведица сидела крепко, завившись в дальний угол берлоги. Бакуля отвалила массу снега, медведица не появлялась.

Наконец, охотник устал. Кукю предложил брату сменить его. Только Бакуля собрался передать лопату Кукю, как вдруг снег переломил вилми вилшаша, и охотник очутился лицом к лицу с разъяренной медведицей.

— Она не догадалась, однако, выхватить у тебя лопату,—всесло гремел Топор-Нога, принимаясь свежелем зверя.—Ей бы надо выхватить лопату и дать тебе один раз по голове... Чем бы ты тогда делал, дружок Бакуля?

Бакуля, ухмыляясь, отпучивался.

— Зачем Хозяину лопата, однако?—отвечал он, переворачивая тушу медведицы на спину.—Лопата нужна Бакуле. Если б ты не стрелял зверя, мы бы его ввязи жыным.

Топор-Нога с хохотом заступил по локоть руку между тушей медведи и шкурю, свесивая зверя:

— Удано промывали мы сегодня. Двух зверей добыли. Легкая нога у московского гостя, однако...

Темнело, когда мы вернулись к чуму иенце-охотников с добычей. Поужинав, мы полудежа закурили. Я не мог удержаться, чтобы не рассказать о виденной мной раннее охоте на белого медведя. Убитого с борта корабля на Карском море.

— Разве это охота!—с презрением сморщился Топор-Нога.—Стрелял зверя с борта корабля каждый может. Ты его найди, потягивай с ним силами, однако. Добудь не только широколобого—отпичи породу остроуголовго.

Я заинтересовался. Мне никогда не приходилось слышать, что белые медведи бывают разных пород. Между тем знаком природы Таймыра и полярных морей утверждал это.

— Встречаются две породы медведя в наших местах,—говорил Топор-Нога.—Ужоголовый и широкоголовый. Конечно, наука может и не признавать этого. Наука считает: белый медведь—это белый медведь. Но я с этим несогласен, однако.

Бакуля, валяя трубку табаком, прочтуил се в знак уважения другу. Топор-Нога заткнулся, пуская колыба дыма.

— Дюнешь мне,—продолжал Топор-Нога,—на своем веку убить 53 медведя. Я не могу, однако, признать, что эти звери одной породы. Очень уж характером отличаются ужоголовые от широкоголовых. Широкоголовый медведь—зверь невпичий. Ха-

рактир он имеет любопытный и добрый. Все ему хочется поплявать. Едешь на нартах, бежит следом. Ну, прямо, как собака, однако. Поднимаешь трубку, в упор в него стреляешь... А он стоит, глазами хлопает, тебе разглядывает. «Что это, однако?»—думает он про человека, который—на арктике?—Ессей—не ессей? Незнакомое животное... Человека он зря не обижает. Разве алкает в сани на зимовке, раскладает подушки, сожрет приготовленную для корма собакам рыбу или мясо. И уйдет по добру по здоровью.

Топор-Нога закашлялся: табак у Бакули был крепкий.

— Остроголовый,—продолжал он,—зверь убо и хитрый. И голова у него походит на змеиную, однако. Человека чубрает: чует а ним врага. Жизнь свою дешево не продает, однако. Если не попал ты ему с первого выстрела в сердце,—берегись. Раскидает собак, изорвет их в клочья. Пританцует, ровно уже смерть пришла, а шагнешь к нему—пригнет на тебя с распушенными волосами твоемю, иеруи и моржеш. Осенью и зимой лова псеслов. Весной промывали белых медведей.

Топор-Нога вспомнил случаи с одним из своих приятелей, Чучю. Ненец Чуча, обитавший в устье реки Хатанги, был смелым и опытным охотником-промысловиком. Летом он добывал гарбуши тюленей, нерпу и моржеш. Осенью и зимой лова псеслов.

У него была прекрасная собачья упряжка. Его псы были приучены ходить по белому медведю.

— Ехал Чуча от родича к себе домой,—рассказывал Топор-Нога.—Вздремул на нартах, однако. У родича двое суток чай пили, гостевали. Уморился. Вдруг подхватил собачи нарты, почеснул медведю, вывалился из саней. Слышит: визг, реп. Собака крутятся. А иперемежу режут медведя. Чуча подумал: «Ж не померещилось ли ему все это что сна? Ведь ревет-то не одна медвежья глотка, а лодя все пять—шесть?» Глупый и обомлел: шесть медведей свалился с собаками. Война идет, однако.

Кукю привскочил от удовольствия и тихо засмеялся. Бакуля аэоцал взыком.

— А главное дело, ружьё-то припроточено к нартам. При нем один нож болаесть в ножища. А медведь-то было пять широколобых, один ужоголовый. Широколобоые-то обрадовались, что отбился от собак... Ну, значит, и выходит из боя. В сторону подкотили; конечно. А ужоголовый не отстает. Порвал одну собаку, отбросил и вскопич на нарты. Сидит, дышью, на нартах и хватает котгами за собачьи задки. Шерсть, клочьями летит. Визг стоит, лай... Видит Чуча—дело плохо. Попортил ему Хозяин всю упряжку. На чем лодом ехать? Изволился он, бросился к нартам с ножом и ударил Хозяина меж лопаток. Нож у него был на две с половиной четверти. Весь шуп в зверя до рукоятки, однако. Врезал остроголовый и махнул лопой... На три сажени отлетел Чуча. Память почти что ничего отпичко. Упал он прямо в круг медведю. Те пять-то, широколобых, не ушли. Они стоят в кругу, наблюдают, как Хозяин озорует. Хозяин раскидал с нарт все, что там было, и кинулся к Чуче. Кровь из зверя хлещет, однако.

Топор-Нога сделал паузу.

— Растолкал Хозяин широколобых и звереля, словно сказать хотел: «Чего ты разинувил? Почему пособой не длет?» Только хотел было вылезть за Чучю... Но тут Хозяича слважи сзади вокак упряжи... Вокак переруга постормки... Поднял Чуча голову, видит: лежит он на собственном своем ружьё. Ведь бывает такое! Медведь-то нарты раскидал и ружьё отшвырнул в сторону,—засмеялся Топор-Нога.

— Ударял пулей в сердце Хозяича Чуча. Зверь и повалился. А остальные пять повернулись и пошли своей дорогой. Чуча не стал их стрелять, однако. Оказал уважение широколобому... Вокак бывает, однако...

Топор-Нога вытряхнул раскуренную трубку и вернул ее дружку Бакуле.

— Заговорили я. Надоед, наверно, гостю рассказками. Время спать. Ночь ходит по туше,—пронесит он, вставая и отряхиваясь. Я укладывался в свой меховой спальный мешок. День был богат приключениями. Сон сововаля усталые веки.

Перешагнул через меня, Топор-Нога, подосунувшись, пролез к выходу. Раздался визг и радостное твляние собак. Знаменитый полярный следопыт кормил свою упряжку. Он был сто двадцать три дня в пути, и завтра ему предстояло продолжать свой обход полярных охотничьих стоянок, затерянных среди снегов и льдов Советской Арктики...

Топор-Нога вытряхнул раскуренную трубку и вернул ее дружку Бакуле.

— Заговорили я. Надоед, наверно, гостю рассказками. Время спать. Ночь ходит по туше,—пронесит он, вставая и отряхиваясь. Я укладывался в свой меховой спальный мешок. День был богат приключениями. Сон сововаля усталые веки.

Перешагнул через меня, Топор-Нога, подосунувшись, пролез к выходу. Раздался визг и радостное твляние собак. Знаменитый полярный следопыт кормил свою упряжку. Он был сто двадцать три дня в пути, и завтра ему предстояло продолжать свой обход полярных охотничьих стоянок, затерянных среди снегов и льдов Советской Арктики...

Топор-Нога вытряхнул раскуренную трубку и вернул ее дружку Бакуле.

— Заговорили я. Надоед, наверно, гостю рассказками. Время спать. Ночь ходит по туше,—пронесит он, вставая и отряхиваясь. Я укладывался в свой меховой спальный мешок. День был богат приключениями. Сон сововаля усталые веки.

Перешагнул через меня, Топор-Нога, подосунувшись, пролез к выходу. Раздался визг и радостное твляние собак. Знаменитый полярный следопыт кормил свою упряжку. Он был сто двадцать три дня в пути, и завтра ему предстояло продолжать свой обход полярных охотничьих стоянок, затерянных среди снегов и льдов Советской Арктики...

Топор-Нога вытряхнул раскуренную трубку и вернул ее дружку Бакуле.

— Заговорили я. Надоед, наверно, гостю рассказками. Время спать. Ночь ходит по туше,—пронесит он, вставая и отряхиваясь. Я укладывался в свой меховой спальный мешок. День был богат приключениями. Сон сововаля усталые веки.

Перешагнул через меня, Топор-Нога, подосунувшись, пролез к выходу. Раздался визг и радостное твляние собак. Знаменитый полярный следопыт кормил свою упряжку. Он был сто двадцать три дня в пути, и завтра ему предстояло продолжать свой обход полярных охотничьих стоянок, затерянных среди снегов и льдов Советской Арктики...

ДЕВУШКЕ

Ранняя весна.

С детства эту песню знаю,
Песню, летую века,—
«Волга, Волга,
Мать родная,
Волга — русская река!»

Протекаешь по порядку,
Будто в гости из гостей,
Через целые десятки
Плодородных областей.

Протекаешь по раздолью,
Отражая огород,
Белый дом на фоне поля
И рябицу у ворот...

Там живет моя подруга,
Косы русые у ней,
Брови вроде подкрутка,
А глаза — всего синей...

С нею вместе мы ходили
За грибами — по росе,
Птичьи гнезда находили
На прибрежной полосе.

Провожали пароходы,
Все равно, куда какой...
Пролетали дни и годы
Вроде чаек над рекой...

Подросли мы и расстались,
Разошлись, как две волны,
Но попрежнему остались
Дружбе радостной верны...

Этим летом полукаю
Небольшое письменно —
Развернул, души не чаю:
Вижу там ее лицо...

Письмечко передавало,
Что, пожалуй, нынче нам
Не придется, как бывало,
Покататься по волнам,

Что живет она не дома,
А на курсах, в городке,
Возле самого парома,
На совсем другой реке,

И, наверное, с порошей
Под родной вернется кров...
«До свиданья, мой хороший,
Извини и будь здоров...»

И в ответ на это дело
Написал я три строки:
«Для чего ты уезжала
С Волги-матушки — реки?»

Я и сам по горло занят,
Только жалко мне того,
Что без нас трава завянет
Возле дома твоего.

Без тебя проходит лето...
Но когда придет опять,
Сухопутного бласта
Я не стану покупать.

Я потребу юта,
Плату выльчу, сылана,
И отдельная камота
Будет мне отведена,

И на пароходе белою,
По лазоревым волнам,
Отдохнувшим, загорелым
Я опять приеду к вам...»

...Каблучки стучали чаще,
Подымал зарю восток...
Опустила в почтовый ящик
Зачеятанный листок.

И задумался о крае,
Где качает облака
Волга, Волга,
Мать родная,
Вессоюзная река!

ПЯТЕРО

(Из эпохи гражданской войны)

Первым уходил из дому Александр. Стояла весна 1916 года. Гартмановский завод бастовал. Отец днем возился на гоубунте, а вечером зашивал осы и ставил керосиновую лампу на под. В хату по одному, по два заходили люди. Это были странные гости — они рассказывали на полу, не разговаривали, не смеялись... Впрочем, Александр давно уже знал, какие гости приходили к отцу. Знал, что на гоубунте — склад оружия, что гости — подпольщики, а листки, белешины на полу между картами, — большевистские прокламации.

Александр с братом Павлом пришлось уже однажды сесть и в Виргульну! с пачкой прокламаций за паузой. В Виргульну появились штрекбрехеры. Александр и Павел разбрасывали листки с призывом к забастовщикам — держаться стойко. На обратном пути в Луганси они заметили, что за ними следят, спрягнули на ходу с поезда и пробрались домой сзади. Однако, когда началась отправка шезлонов на фронт — а отправляли в первую очередь «неблагородных» — Александру Цупову было очевидно, что он мобилизован.

Прощание было коротким. Павел помог брату завязать сумочку. Мать, всхлинув, прижалась к груди плачущего сына. Заплакали малыши. Пятавлянский Козюк наступил. Большой Егор крикнул за леги: «Прощай, Саша!» Отец, Петр Иосифович, молчило ваял на плечи сумочку, сурово проговаривая: «Козюво, мать — и вместе с сыном пошел на станицю...»

Второго сына — Павла — Петру Иосифовичу провожать не пришлось. Было это через два года, тоже весной. На Украину двинулись германские полки. Луганси, отпраздновавший первый триумф революции, поспешно вооружался. На митингах гартмановцев выступал Клим Ворошилов.

Отец знал, что Павлушка получил в совете работу. Как-то сын не пришел ночевать. Мать, не смыкавшая глаз всю ночь, на рассвете разбудила мужа.

— Не пришел Павлушка...

Павлушка не пришел и на вторую ночь и на третью.

Ворошиловым адрался с немцами под Коптопом. Нанесли противнику тяжелые удары, они медленно, с боями, отступали к Луганси.

На исходе одного яркого весеннего апрельского дня Цупов бежал в хату встревоженной и возмущенной. Ее сияния винтов, сел к столу. Жена и дети обступили его. Петр Иосифович сжал паху, штыр испещренный зоб.

— Так что выступаете сегодня.

— А Павлушка?

— Он уже в виллохон.

Егор сел с пачки, торопливо натгнул пиджак.

— Куда? — закричала мать. — Куда ты, зюмрай? Скуда не пойдешь, не пущу!

Отец... — она умоляюще посмотрела на мужа.

Цупов, погнавшийся сюда, испытующе взглянул в глаза Егора, был самый пустой, судился и с тех пор жаловался на ломоту в ногах.

— Как ноги?

— Ноги нищего. Я все равно, багги, тут не останусь.

— Если будешь жаловаться, отправлю домой. Ну!

Он хотел испытать его. Егорка только весело замолотил головой.

— Тогда отец велел ему собраться.

1. Виргульна — рабочий район близки Луганси.

Памятник Петру Цупову в Ворошиловграде.

В шезловах они потеряли друг друга. Цупов — отец и два сына — попали в разные отряды ворошиловской 5-й армии, армии на колесках, которая героически пробилаась к Цириньцу, отражая атаку немцев и белых казачков.

После одной из перекличек бойки, выстроившись вдоль состава, приготовились слышать речь комиссара. Петру Иосифовича кто-то тронул за плечо. Он обернулся — Цупов? — У тебя зонтик тут есть? Сын? — Ну вот, отличился под Гудзюровской. Молодцы!

Цупов повисел. Поход был труден: днем и ночью гремели выстрелы, на глазах у Петра Иосифовича немецкие бомбы ввалили земляком в колоды. Весточка о сыновьях подбодрило. И когда возле станицы Цупов снова затрепетал выстрелы, Цупов первый выскочил из вагона, на ходу зарядил винтовку.

Петр Иосифович бежал в цепи тяжело, горный топ завалил глаза. Впереди залегли. Слесарь припал к земле, прицелился, зарядил винтовку, снова шезловок зарядил. Кто-то рядом с ним тоже зарядил, стреляющая гильза упала на локоть Цупова. Он сердито повернулся и увидел сына.

— Павлушка, ты! Егор где?

— На бронепоезде. Скоро подбодит.

Снова перебежка. Отец они бежали недалеко друг от друга — отец и сын.

Петр Иосифович увидел, как Павлушка вырвался винтовку и прижал руки к животу. Они остановились. Петр Иосифович ваял раненого на плечи и повернул к станице. Павлушка был рослым парнем. Нести

его было тяжело. К тому же Петра Иосифовича легко ранило в ногу.

— Брось, брата... Все равно помру...

Брось, брата, прощу тебя!

Петр Иосифович не отвечал. Но достали не смог. Мутная горячая вода уларла в голову, он закатился и рухнул на землю.

Открыл глаза, Петр Иосифович увидел себя на полу санитарного вагона. Вагон был забит стонущими и хрипящими людьми. Павел лежал рядом на носилках.

Стрельба не утихла. Канинода то откатывалась, то снова приближалась к составу, стоявшему в тулках.

Внезапно встрелила тишина. Ее взорвал дикий рев и цокот копыт.

— Казаки!

Петр Иосифович не понял, что произошло. Павел попытался встать, навалился на него горячим, лихорадочным телом.

— Ховайся, баты... мне все равно помирать... лусайки они меня... ховайся...

— Постой! — крикнул отец, но его голос заглушил топот ног и бешеная митерная ругань.

Странные короткие выстрелы — выстрелы, пригнущенные степными вагонами — хлещли обкурот. Потом воцарилась молчание. Только видно, казачок вышиб из станицы и плахи выскочил из вагона.

Петр Иосифович тихо окаянука:

— Павлушка?

Он вдруг почувствовал, что тело сына стало тяжелее. Опершись руками о пол, он приподнялся и сел. На колени его соскользнуло тело мертвого Павла.

Бойца 5-й армии, сына рабочего гартмановского завода, двадцатилетнего Павла Цупова хоронили весь отряд... Где-то возле станицы Суровико горбится одиноким холмиком его могила.

В дощечках степных затерялась могила брата Павла — Егора. Двадцатилетней Егор был принят в команду бронепоезда «Ворошилова», геройски сражался с белыми, стал одним любимцев бойцов и погиб в 1919 году под Кловью. Но время наступил денника. Ударившим в бронепоезд шарпалом осы оторвало руки и ноги.

Машинист брат — Николай — после гибели братьев пошел работать в Чеса. В 1921 году он был послан на ликвидацию банды в село Первомайовку. Оттуда Николай приехал на телеге истекшими кровью. Он скончался на койке луганской больницы. Никто не знает, как погил сам Петр Иосифович. Последний раз его видели в одной из частей, наступавших на занятый белыми Харьков — сурового, решительного, с винтовкой за плечами, — такого, какии запечатлел его скульптор в бронзовом изваянии, поставленном на площади в Ворошиловграде.

Недалеко от одной из границ нашей родины расположена автомобильная станция. Ее бойи в совершенстве владеют танками и не раз демострировали на маневрах высокую боевую подготовку. Командует этой частью человек средних лет, по имени Александр. За боевые заслуги он награжден двумя орденами Красного знамени.

Это тот самый Александр, который двадцать два года назад был отправлен царским правительством на фронт как «неблагодежный» — старший сын луганского пролетаря Петра Иосифовича Цупова.

ГРОЗНОЕ ОРУЖИЕ

Во весь голос, обращаясь к потомкам. Маяковский назвал строки своих стихов «старым, но грозным оружием». Это выражение — не метафора: это — деловое и точное определение поэзии Маяковского.

Писать стихи для Маяковского значило беспощадно сражаться с врагами. Быть советским поэтом означало для него в боевом вооружении стоять на посту, охраняя интересы своей социалистической родины.

«Было бы схищено и гуло закрывать глаза на факт капиталистического окружения и думать, что наши внешние враги, например, фашисты не попытаются при случае произвести на СССР военное нападение. Так могут думать только старые бахвалы или скрытые враги, желающие услышать народ», — так писал товарищ Сталин, отвечая комсомольцу Иванову. Эти великие слова можно было бы поставить эпиграфом к творчеству Маяковского.

О врагах Маяковский не забывал никогда. Неустойно говорил он о том, что наш Союз окружен враждебными государствами, создавал замечательные оборонные стихи и песни. Это, являясь высмеивал Маяковский поэтов, предавшихся бездумному котловому под «мирным» — мирным несоблюдению:

«В гушу
ваших рыцарство
под цветками
на реку,
Затрагиваям воздухом
не доносит гармку?
Или
за любовной блазью
не видать
угрозу вражью?»

Всю энергию, опыт, зоркость ума, весь гений и уменье Маяковский отдал на то, чтобы своими, поэту доступными средствами напугать, выявив врага и всех тех, кто только или незалежно может ему способствовать.

Каждый жизненный случай, раскрывался Маяковским как акт борьбы новой жизни с дрянью, старьем. Каждую мелочь Маяковский соразмерял с огромной поставленной целью, с коммунизмом. Так, коротенькое сообщение «Комсомольской правды» о тиготении комсомольцев к своей жизни на западный манер и маленькая заметка о самобуйстве девушки послужили толчком для создания замечательного стихотворения о новой, коммунистической морали. Маяковский первый в поэзии заговорил о чистоплотности отношений наших и любовных дел.

Но с друзьями даже об очень серьезных их ошибках Маяковский говорил тепло, словно кажушую грубость — нежно, как старший товарищ.

Иное дело с врагами и пособниками врагов! С теми, кто олищетворя отврагательные черты буржуазного общества, со шкурниками, врачами, згонистами, с повинностями и бюрократами. С этими и трусами Маяковский боролся беспощадно. Маяковский испекаящей ненавистью ненавидел дрянь и хлам, угрожающие трудный и радостный путь людей к коммунизму.

Эта ненависть облекает Маяковского с величайшим писателем нашей эпохи — Алексеем Максимовичем Горьким. Горький и Маяковский родились сиа ненависти к прошлому, к врагу, которого никто уничтожит, как бешеного пса, сила любви к подлинному гражданину, к строителю социалистического общества, осуществляющему великое дело Ленина — Сталина.

Во имя этого дела со всей силой своего поэтического таланта косякался Маяков-

ский тех, кто олищетворял гнусные пережитки капитализма. Зоркость глаза и меткость удара Маяковского-сатирика поразились. Плакатно, лаконично и вместе с тем не спуская ни одной характерной подробности, рисовал Маяковский ненавистное ему «мурло мешанина» во всем его мерзком разнообразии.

Вот один из портретов этой галереи интожных, но вредных люшек: — «Трус. Трус, который все еще кое-где пресмыкается в «славной смельси» стране:

«Вип
в бумажки
парой глаз
ног
поджаты циркулы:
«Схоронитесь б
за приказ..
Спрятаются б
за циркуляр..»

Эта мразь будет молчать, какая бы вопиющая несправедливость ни творилась у него на глазах:

«..Хоть грабате,
хоть режьте
воле него,
не будет слушать
ни плач,
ни вой.
«Инак дело —
маленькое».

Родной брат труса — подхалим. Единственный «сталин» подхалим — «нежный спосуб обходженья». Подхалим у начальства

«Лжет ягору,
ляк ругач
лижет в пося,
лижет вижю,—
как кутеню
лижет суку,
как котенку
кошку лижет».

Вылизываясь милыми ямочко подхалима, таялись кое-где искусно замаскированные враги, расчелтали самолюбивые «помядуки», Победоносиковы, почившие на лаврах, утрачивающие связь с партией и народом:

«..Победу
масс,
повозивших ему
надеть незалежных
милдатов аты,
темля
припался он
своему уму,
почел
поживившей
наградой за таланты.
Со всякой массой
такой
поррал давало.
Хоть политический,
но капиталец —
нажит.
И какнется ему,
что навсего
даю
ему
нид всеми
«волдет и княжит».

С тех пор как написаны эти стихи, прошло десять лет. Многие изменились за эти годы. Все проче стегит над нашей страной солнце социализма, с огромной силой вчермечиваются пережитки капитализма в

сознании людей. Но можно ли сказать, что они исчезли совершенно и что эти стихи Маяковского устарели?

Нет, этого сказать нельзя. Разве перестраховались и подхалимы из партии и комсомола сотни ни в чем непонимавшие люди, не напоминают тех бюрократов, которых клеймил Маяковский? Разве не за спиными спонсорами и подхалимов, не с прямой их помощью велась кое-где подлая работа врага? Наконец, разве процесс антисоветского «право-троцкистского блока» не показал, как лютые враги народа не использовали в своей борьбе против нас такие пережитки капитализма в сознании людей, как бытовую распушенность, мерзкое честолюбие, общепартейскую трусость, гнусное подхалимство и т. д.?

Всем своим существом Маяковский знал, что беззастенчивое служение делу коммунизма требует творческого напряжения всех человеческих сил, постоянного контроля над собой, своими мыслями, чувствами, волей, над своим отношением к людям и общему делу. Не чиновничье добродушие, а творческого горения требовались Маяковскому от гражданина советского государства, не покаяной «равностности», но подлинной внутренней чистоты, огромной любви к делу партии и пламенной ненависти к ее врагам.

Именно поэтому стрелы его бичующей сатиры беспощадно разили советских Молчаливых, тех, только пост авительства называл «молодыми приспособленными людьми», тех, кто не горят на работе, а служат «безмятежно и улоубоко», навсегда поочивая с мыслями о коммунизме.

Маяковский ненавидел в презрел чиновников, занимавшихся «строительством социализма» от 9 до 4 часов. Двудичие, деление жизни на две части: на «мое», частное, домашнее, и «общее», «служебное» — было ему чуждо и умерительно.

Нет возможности в короткой статье перечислить персонажи сатиры Маяковского. Достаточно сказать, что нет такой разновидности советского мешанина, нет такого сорта человеческой «дряни», которая не была бы обожжена ударом огненных «слов-бичей». Под этот удар попадали трусы, карьеристы, подхалимы, клеветники, сплетнички, враги и «любители затруднений». Эти удары сокрушали злобных врагов нашего народа: диверсанты, вредители, кулаки, сектантского проповедники.

Большая часть сатиры Маяковского писалась в 1928—1929 годах, когда еще не было разгромлено и ликвидировано как класс кулачество и страна только шла по пути индустриализации и социализму. С тех пор прошло 10 лет, годы двух сталинских пятилеток. Советский народ под руководством партии Ленина — Сталина в жестокой борьбе с врагами построил на основном социалистическое общество. Но наша великая социалистическая родина окружена капиталистическими государствами. У нас сохранились еще остатки враждебных классов, остатки разгромленных партий антисоветских троцкистско-бухаринских вредительских групп, которые выступают на шпионская агентах иностранных разведок.

Вот почему боевая поэзия Маяковского так близка сердцу каждого гражданина нашей страны. Вот почему пример Маяковского должен служить каждому работником литературы в наши дни, когда «..нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизованной готовности перед лицом дела «общего назначения», чтобы искореня «случайности» и никакие факты наших внешних врагов не могли заставить нас врасплох.» (Сталин.)

Детство

Воспоминания

Фото В. Славянского

Общий вид селения Багдади.

я —
делом казав
другим —
а по рождению
грузин
В. Маяковский

Багдади, Домик, где мы живем, стоит на склоне горы. Стены его из темных каштановых досок. Зеленые и желтые квадраты до горизонта. Зеленые — виноградники и сады. Желтые — кукурузные посевы. Быстрая речка Хавис-Цхали. Грандиозные скалы. Водопад. Здесь в разгаре атугео грузинского лета 7 июля 1893 года родился Володя Маяковский.

Наш домик стоит у дороги. Сразу же за будкой шоссеного мастера дорога скрывается в горах. Туда каждое утро уезжает отец. Там — леса, пробковые, дубовые, еловые, пихтовые. Отец — лесничий. Он закладывает дерево, любимыми деревьями завет даже ласковые имена.

Работа лесничего была опасной работой. Пожары, горные обвалы, а то и налеты банд. Может быть, потому так ценны отец бесстрашие и воспитан у Володи презрение к трусости.

Мальчик с ранних лет проводит жизнь на воздухе, в горах, на виноградниках. Его товарища по играм — дети грузинских крестьян. Володя привык к тишине, к огромным просторам Кавказа. Грандиозные острокопечные горы, небо, усеянное крупными южными звездами, — вот с чем связаны первые его детские впечатления.

Багдади — это детство поэта. Привольным, широким, солнечным было это детство. В 7 лет Володя уже ездил на лошади, как западных горцев: «Какой же ты лесной человек, если ты на лошади не умешь ездить?» — говорил Володе отец и брал сына в далекие лесные обходы. Вот как описывал Маяковский одну из таких поездок в лес: «Перевал. Ночь. Обстало туманом. Даже отца не видно. Троек узеи-

шая. Отец, очевидно, отдернул рукавом ветку шиповника. Ветка сразу же шипами в мой бок. Чуть повизгивая, вытаскиваю колючки. Сразу пропала туман и боль».

Биография Маяковского привыкла начинать с Москвы. Его детство оставалось, как-то за границами внимания биографов. А для меня совершенно ясно, что могучая природа Кавказа, которая окружала впечатлительного ребенка, наложила глубокий отпечаток на его сознание.

Ущелья Маяковского в Багдади. Здесь прошло детство поэта.

Поэт любил свою родину и часто вспоминал ее в стихах:

«Я знаю:
Глушь — здесь и рай!

Но если
— мелось про это,
должно быть,
Грузин,

радостный край,
подразумевали поэты».

Радостный край богатворно действовал на здоровье Володи. Он был рослым, сильным ребенком. Ни отец, ни мать не любили изнеженности. Володя был настоящий мальчишка — шапаловый, подвижный, воинственный. Вместе с сестрой Ольгой, спутницей всех его игр, лазил он по деревьям, карабкался по скалам, ловил крабов в холодной воде Хавис-Цхали. Липом он с детства был похоя на мать, но фигура у него была отцовская, и глаза отцовские — большие, прозрачные. Как сейчас вяжу его ребенком: высокий, стройный, крепкий, волосы подстрижены под грескуну.

Володя развивался быстро. Еще не умея читать, он заучивал наизусть, со слуха, длинные стихотворения, чем очень гордился отец. Голос у Володи был звонкий, сильный. 6-летним мальчуганом он забирался в чурч — огромные глиняные кувшины для вина, стоявшие у нас во дворе, — и просил послушать, как звучит его голос.

Когда Володе исполнилось 7 лет, мы переехали в новый дом, поближе к селению. Там, где прозрачная Хавис-Цхали петляет выгибается на равнине, стояла старая грузинская крепость. Сохранились стены, старое кладка держалась корнями деревьев. Во дворе стоял наш дом. «Первый дом, вспоминаемый отчетливо», — писал впоследствии Маяковский. — Два этажа. Верхний наш. Нижний — винный заводик. Раз в году — яры виноградар. Давили. Я сл. Он. Они пили. Все это террифорин стариннейшей грузинской крепости под Багдади. За валами — рык. За валами — леса и скалы. Над лесами горы. Подоро. Бега на самую высокую. Маяковский называл это место «корини романтизма».

Отец часто твердил нам, что в наследство может оставить своим детям только здоровье и образование. В Багдади мы могли получить с избытком только первое: учиться здесь было негде. Володя с матерью уехали в Кутаиси. От Багдади рукой подать всего 27 километров, но тогда нам это казалось странно далеко.

Весной 1902 года Володя выдержал экзамен в старший приготовительный класс. Он был хорошо подготовлен, его экзаменник спросил, что такое «око», я ответил: «три фута» (так по-грузински). Мне объяснили любезные экзаменаторы, что «око» — это «глаз по-древнему, церковно-славянскому»; из-за этого чуть не провалился. Поэтому возненавидел сразу все древнее, все церковное и все славянское. Возможно, отсюда пошел мой футуризм и мой атавизм — мой интернационализм. — Так писал Маяковский в своей автобиографии «Я сам».

Это очень характерный эпизод. С детства Володя уже хорошо говорил по-грузински, любил декламировать грузинские стихи, и для него живой язык Грузии был ближе чем мертвая церковно-славянская старина. Ближайшее общение с талантливыми грузинскими народом очень повлияло на развитие Володи, как поэта. Влияние грузинской культуры на творчество поэта тоже совершенно не изучено.

Во время своего путешествия по Север-

Маяковского

эстры поэта

ной Америке Владимир Маяковский как-то читал свои стихи перед большой аудиторией. Он провозгласил строки из стихотворения «Владикавказ — Тифлис»:

«Лешо от жизни
от жизни взбираясь на высь,
гитарой душу отверга —
«Молоко шен артс —
Мощия рац, ром чествитс
магандган гмертс...»

(Это из народной грузинской песни и в переводе значит: «Тебе одной все, что дано мне с высот багоя»). Вдруг кто-то крикнул по-грузински: «Откуда ты это знаешь?» Маяковский ответил тоже по-грузински: «Я багдадский». И вот в толпе американцев произошла радостная встреча двух земляков.

Несмотря на плохое знание древнеславянского языка Володя все же стал учеником подготовительного класса кутаисской классической гимназии.

Гимназический двор террасами спускался к реке. В класс доносился рев Риона. Река

Маяковский-гимназист.

Вверху: территория старинной грузинской крепости в Багдаде. Здесь помещался дом, где жила Маяковские. Внизу: здание гимназии в Кутаиси, где учился Маяковский. Гимназический двор террасами спускался к Риону.

была широка, как море. Переплыть реку считалось среди гимназистов высшей доблестью. И Володя переплыл Рион. Он любил воду и солнце. В свободные часы лежал у реки на камнях до головокружения.

Учился Володя хорошо, страстно увлекался чтением и был вместе с тем шаловливым. Любил рисовать, собирать коллекции, что-то мастерить. Но он тосковал по Багдади: ему не хватало дикого приволья родины.

В 10 лет Володя казался уже юношей. Ему всегда давали на несколько лет больше его настоящего возраста. Он и по развитию был на голову выше своих сверстников. Уже в этом возрасте сформировался его характер — настойчивый, целеустремленный, веселый, увлекающийся.

Когда грянула революция 1905 года, 12-летний мальчик был в курсе всех политических событий, принимал участие в гимназических забастовках и был участником подпольного гимназического кружка. Грузия поднималась против царских опричников. Это была родина товарища Сталина. В городах вспыхивали забастовки. Крестьяне громили помещичьи усадьбы.

Маяковский читал товарищам пламенные грузинские стихи:

«Метобребо, нии, ция засит!
Ну шеркэба ткевни гули.
Де! мкерд сикхис дати ачиде
Да шубас опис накадули».

(«Товарищи, идите вперед, вперед. Да не дрогнут ваши сердца, хоть на груди появятся кровавое тавро, а на лбу — ружья пота!»).

Когда Володе исполнилось 13 лет, огромное несчастье постигло нашу семью: от заражения крови скончался отец. Очень тяжело переживал брат эту смерть. С того времени появилась у него характерная складка на лбу...

Семья осталась без средств. Не хотелось оставаться в местах, где все напоминало о нашем несчастье. Ткнуло в Россию — в крупные культурные центры. Мы уехали в Москву. Володя чувствовала себя взрослым мужчиной, да и на вид ему можно было дать лет 15—16. С тех пор Маяковский в Багдади больше не был, хотя с радостью вспоминал родные места и до слез был растраган, когда однажды сестра Оля принесла ему бутылку багдадского вина.

Почему же Владимир Маяковский, бывая в Грузии, не посетил Багдади? Мне кажется, что ему так же, как и мне, тяжело было попасть туда, где погиб отец. Но о местах, где протекло его детство, Маяковский всегда вспоминал с глубокой любовью. Грузия была его поэтической родиной.

ПОД КРЫШАМИ ПАРИЖА

Несколько месяцев тому назад парижская вечерняя газета «Се сур» заявила на своих страницах о деле, где помещаются имена молодых читателей «Юности».

По первоначальному замыслу, редакция должна была под псевдонимом «Неизвестного танцора» давать в этом отделе деловые юридические советы корреспондентам, оперечившим любованиям псевдонима. Но вскоре письма, опубликованные в «Се сур», перешли в руки «известного» псевдонима.

В письмах, помещаемых «Се сур», встают картины печального и мрачного быта зарубежной трудящейся молодежи. Проблема каждой маленькой «личной жизни» перерастает в проблему, общую для сотен тысяч людей. Корреспонденты «Се сур», не погоревшая об этом, разоблачают своим языком капиталистического общества, его лицемерие и фальш.

«Я пария»

15, 16, 17-летние Терезы и Жаки, скрывающиеся под всевозможными псевдонимами, поспевают о таких болях и обидях, которые просто не мыслимы в нашей стране. 21 января в отделе «Сердце имеет свой закон» было напечатано следующее письмо:

«Мне не исполнилось еще 20 лет, а сколько я уже видел горя и нищеты! Один в целом мире, я рыскаю по Парижу в поисках ломоты хлеба и крошки любви... Если иногда мне удается удовлетворить свое первое желание, выполняю работу ввоняра (ибо это — асе, что и умею делать), то второй мечта — о любви — всегда остается втуне... Кто полюбит меня, кто захочет иметь дело с искулами, тусованным, жалким оборванцем, без копеек в кармане в боль-

нищине случаев... Я пытался пойти на армейский вербовочный пункт. Но когда человек по два-три дня не имеет во рту маковой росинки и когда этот «рекрас» длится годами, то тут, конечно, не растощеешь. Меня не приняли и в армию. Вы, страдающие от сердечных неудач, знаете смысл, друзей, родителей, которые вас любят. Подумайте же о бедном парне, о человеке без товарищей, без любви и так часто без хлеба».

Письмо подписано: «Жан-оборванец». И вот в ответ начинают поступать отклики читателей, таких же молодых (и почти таких же несчастных), как Жан-оборванец. Огромная доля этих писем — бессильные попытки утешить беднягу.

«Нет, Жан-оборванец, вы не пария, вы больше не пария! Я уверена, что, наоборот, у вас будет теперь тысяча друзей и что вы найдете верную хорошую подругу...» — пишет неизвестная Одетта. Ей против десятков других отзывчивых девушек.

Но не все ответы сводятся к sentimentalным утешениям. «Не надо жаловаться: все равно никто не поможет. Стисни зубы и дерись с жизнью!» — угромо советует 25-летняя Марио.

Куда резче пишет «Прозревшая Фанни». «Еще один, который так дорого расплачивается за свое единственное преступление — да то, что родился в стране со столь постыдным государственным строем...» Но я верю, — добавляет она, — что молодежь смирится и все свои силы положит на борьбу за новый мир, в котором двадцатилетние смогут жить так весело и счастливо, как только и должно жить в 20 лет!»

«Времена браков кончились»

Из переписки с «Жаном-оборванцем» видно еще одна проблема. «Имеет ли право безработный создавать семью? Как жениться без денег, без видов на будущее, не имея профессии? Как подвергать жену, подругу превратностям нашей вечерней жизни?» — тоскливо допытывается «Перешитый».

«Мы любим друг друга уже три года, но ты не у меня, ты у моей подруги не работы. Сейчас мы совсем уже собирались пожениться, но парижамкерский, гад она работала машинщицей, обанкротился, а вы ведь знаете, сколько в Париже безработных мажорнуш... Как быть?» — в отчаянии спрашивает Андре А.

А грядет — позднеме гнева, стыда, возмущения письма девушек:

«Мне 18 лет, я люблю танцевать. В нашем округе часто бывают вечеринки. Молодые люди, которым нравятся, как я тыщую, всегда наперебой стараются проволочь меня до дому. Вы знаете, что это значит. Сначала разговор о луне и о моих глазах, а потом на пустынной улице — об зтия и пощелки. А когда я уклоняюсь, меня выхватывают старомодной и издеваются надо мной... Но я не хочу расстриваться... Жду хорошего человека, жду человека, который захочет соединить свою жизнь с моей. Неужели этого никогда не будет? На фабрике товарищи по цеху (еще старшие меня) уверяют, что времена браков кончились. Никто не хочет жениться. Никто не может. Дети становятся проклятием. Неужели это так?» (Мирелла В.).

Денег — вот что стоит неподъемной преградой на жизненной дороге зарубежной трудящейся молодежи.

«Я же люблю читать», — признается 19-летняя Жермен, — в книгах всегда все гладко: встречались, полюбились, поженились. Но вот я продащица. И я люблю. И я очень люблю меня. Только его мать сказала: «Он будет врачом и жениться на девушке с приданым». Поверьте, он даже плакал, но нам все-таки пришлось расстаться. Ведь никогда в жизни у меня не будет приданого».

Приданое, представляющее любви! Диким, варварским пережитком кажется это миллионы советских юностей и девушек. Но всего лишь в двух тысячах километров от Москвы наши ровесники и современники серьезно обсуждают эту проблему.

Любовь или карьера?

«Мне 21 год. Все свое отрочество и юность я, по желанию родителей (в нашей семье все мужчины были моряками), посвятила изучению морских наук. Я должна идти во флот. Это традиция. Скажут откровенно, я больше люблю естественные науки. И потому, есть «она». Ей — 18. Очень хорошая собой, как скульптура. Я очень люблю ее. И она тоже предпочла бы видеть меня в университете. Но если я не пойду во флот, кто поможет мне сделать карьеру? Только не мои родители... Что же выбрать? Любовь или карьеру? Письмо подписано: «Несчастный влюбленный». Ответы на него многочисленны, но удивительно единообразны.

«В 21 год любить не в последний раз. А что касается моря, — это всегда вернее микроскопов и прочей дряни. Родители правы. Не следует нарушать традиций!» — пишет «Опьяный» (30 лет).

«Вы знаете, мне не бросается возможность сделать карьеру и не забывают профессия... Я писал стихи, я стал коммюнистом от корсетной фирмы. Это, по крайней мере, кормит меня!» — рассказывает Теодор Л., 27 лет от роду.

«Положение в жизни — все», — щиплю откровенничает «Благосуетный». — Пять лет я работала с утра до ночи у Citroena¹, на окраске кузовов. Если бы видел мой руки тогда! Но я крепилась и мечтала о прекрасном принце. Только, знаете, прекрасные принцы любят белые руки и отлакированные ногти. И вообще принцы перелесены в жизни... Моей тетке, у которой и воспитывалась (я сирота), часто твердела

¹ Citroen — известный французский автомобильный заводчик.

ине это. Однажды она позвонила меня с хоявином соседней будки. Мне было 20, ему — 50. Это был вдовец с тремя детьми и приличной пенсией. Сначала мне очень не понравился его крутой живот и я много плакала. Но вот уже четыре года как мы женаты. Мои руки побелели, а не лопу

большие пятны от Самаритян и часто расхожись по Парижу в такси. У парня так это принято, чем красть еврейски машины. Не мечтайте же, барышня, о прекрасных принципах, а вы, молодые люди, не думайте, что любовь дороже денег. Деньги, положение — прежде всего!

Теперь я лишилась всех подруг, а к мной вагонным приятельницам мама меня тоже, конечно, не впускает. Но ты и я, ни один из нас в чем виноваты? Им обещано, что если они одиноки и честно работают. Правда, у одной есть дружок, и он пока не может на ней жениться. Но разве этого достаточно, чтобы называть их проститутками, а меня виноватой из школы?!

Предрассудки

Три письма, опубликованные в разные дни... Первое письмо подписанное «Беспokoйной» (18 лет), удивительно лаконично: «Есть ли еще искренно верующие молодые люди, способные составить настоящую христианскую семью?»

Второе письмо подписано: «Аларирен». Оно тоже не отличается многообразием: «Мне 25 лет, я имею начальное образование, брикет, со смуглым матовым цветом лица. Я иногда посещаю вечерники. Становится, что я говорю девушкам о любви. Они слушают охотно. Но хотят мне закончить, что я алларирен, и вступит меня изгнано образованием. Пустота. От чего же я должен отказаться — от любви или от своей расы?»

и мужа «средя своих». Расовые и религиозные предрассудки еще прочно коренятся в сознании многих представителей зарубежной молодежи. Лишь один «старый муж» (29 лет) отвечает Иоанне:

«Будьте смелы и открыты с вашим другом. Сам по рождению и по родителю католик и вот уже десять лет, как ясает на еврейке. У нас двое детей, одна чудесная мать и жена, и мы очень счастливы». Но тут же «старый муж» добавляет: «Правда, в свое время мне пришлось порвать с семьей. Теперь все налазилось. Моя мать обожает внуков, и я думаю, что Рашель не очень сердится, когда бабушка заходит к ним в церковь».

Совсем другого рода ответы на письмо «Беспokoйной», писавшей о «настоящей христианской семье». Некоторые из ответов принадлежат двум «молодым католикам». Один говорит о том, что именно женщины разрушают фундамент католической религии, запрещая развод и что только при истинной, пламенной вере обоих супругов можно создавать семью...»

Но есть и другие ответы. «Что надо любить децятидцатилетней Лиде... Не обозначает ли это семью, где муж и жена любят друг друга и делают своих ребятишек, воспитывая их чистыми и честными людьми? Если дело в этом, то найдется немало юношей, способных создать такой очаг. Но здесь этого невозможно, ходить по воскресеньям к утренней мессе или по понедельникам каждый месяц? Не думаю. И полагаю, что если вы любите порядочного, интеллигентного человека, он вам это предложение дождется!»

Б. Ж., из Древалл, пишет решительные ответы: «Верующих в бога муж, к счастью, становится все меньше. Самого меня растили в строго религиозном духе. Родители были в бога и в черта, но это не мешало им жить между собой по-человечьи. 16 лет я пошел на производство. Я был таким верующим, что подумывал о монастыре. Но завод изменил все мои мысли. Теперь мне 18 лет, и я не верю ни во что, кроме рабочей солидарности. Советовал бы «Беспokoйной» (если она, конечно, не из буржуазных кругов) поработать на фабрике, где вы выймете у нее всякую дурь из головы. А хорошие браки бывают, как я заметил, чаще всего у свободомыслящих людей!»

Эти письма выражают настроения многих молодых зарубежных рабочих. Но часто, даже порывая с религией, они не могут сразу отказаться от целого ряда религиозных и расовых предрассудков. Ответы Иоанне и «Аларирену» наглядно свидетельствуют об этом.

«Неизвестный танцор», взвинтив на себя явно непосильную задачу—привлечь внимание на сердечные раны молодого поколения,—не может сказать в этих случаях ничего утешительного и, отвечая на отчаянное письмо одной девушки о том, что у нее скоро будет ребенок, ограничивается неважнелым посланием «старогоного призывания отца и шипением безотдельности знания отца» и призыванием к восстановлению своего доброго имени на «спешный брак с другом!»

«Если уже ничего нельзя сделать, если «он» оказался подделком и ни за что не хочет жениться,—пишет «Неизвестный танцор»,—тогда попробуйте признаться во всем вашему отцу, но сначала поговорите с ним осторожно, скажите ему, что если бы у вас был ребенок, он стал бы для него преданным и нежным внуком, призывает на помощь воспоминания собственного детства и мало-помалу раскисает ему о своей несчастливой любви. Это все, что я могу посоветовать. И если ваш отец предложит вам какой-нибудь способ восстановить ваше доброе имя,—приняв, спешный брак с другом,—не будьте слишком упрямы...»

Вот как выглядит материализм без мужа за рубежами нашей страны. Надо ли здесь вспоминать о советских законах, оберегающих мать и ребенка, надо ли говорить об уважении и чуткости, которыми окружают в нашей стране женщину с ребенком, безотносительно к тому, регистрировался ли этот брак? И удивительно, что наши советские законы, наши общественные обычаи, касающиеся женщины и детей, вызывают изумленное восхищение трудящихся во всех странах мира.

И не удивительно, конечно, что уродливые бытовые истоки, ярко раскисшие беспросветную жизнь трудящейся молодежи в капиталистическом обществе, ничинным смакованием которых занимаются все буржуазные газеты, развертываются в большинстве своем по одному и тому же трафарету: соблазненная девушка страдает в своего любовника; покаянная любовница обязывает серьезной кислотой своего друга; жених покусается на хозяйку; родственники не работают его невеста... Таков быт общества, где все продано, где человеческое достоинство не стоит ни гроша, где все измеряется на деньги.

Даже на мгновение сопорисковываясь с этим бытом, даже надали случайно заглянув в эту страшную жизнь, советский человек начинает выдыхать от обалтющего изумления. И как приятно испытывать огромную радость, полной грудью вдыхая чистый воздух Советской страны...

Третье письмо длиннее всех: «Мне 19 лет, я еврейка, но зовут меня Иоанне—имя, очень редко встречающееся у евреев. Я блондинка с голубыми глазами. Благодаря этому и благодаря моему имени почти никто не подозревает о моей национальности. Недавно на работе я познакомилась с одним молодым человеком. У него широкие взгляды на вещи, он культуран, начитан и очень любит меня (доказывает это не раз и не два раза на деле). Надеясь он сделал мне предложение. Я страшно хочу этого замужества, но ты с ответом. Ведь он не знает, что я еврейка. А будет ли он любить меня, если узнает? Или лучше скрыть? И как соскочить все-таки? Иногда он долго молча смотрит мне в глаза, словно догадывается. Я холодею в такие минуты. Неужели все будет конечно, когда он узнает? Что делать?»

Газета в лице «Неизвестного танцора» предоставляет читателям отвечать на все три письма. И читатели широко пользуются этой возможностью. Большинство ответов «Аларирену» и Иоанне сводится к тому, что отказываются от своей расы и национальности не следует, но... лучше поискать подру-

Вне закона

Сплетня—одна из самых страшных бед молодой девушки как рубежом. Что значит «испорченная репутация», лучше всего рассказывает письмо Алены В.

«...Все началось с поездки к бабушке. В вагоне я встретилась с двумя молодыми особами. Они были очень внимательны ко мне (я ехала одна впервые, мне еще нет 16 лет) и мы обменялись адресами. Вернувшись в Париж, я зашла к ним. Они рассказали, что делают деньги для продажи. Жили они вдвоем в маленькой квартире. Они были очень веселые, учили меня танцевать. Я часто забегала к ним после школы и ничего не говорила маме, потому что она все

болтает «неподходящих» для меня знакомств. Однако в один из вечеров выехала директриса и была ошестыла, зная, что я ввизорная всех, что и знаком с готаскушками, что меня нельзя пускать в общество честных девушек и что я исключена. При этом она потрсила как-то письмом. Все себя от горя я побегала домой. Там уже царил сумрак ад Оказывалось, и в школу и домой толку не прислал никаких анонимных писем... Я и тогда перестала всей гряди, которая в них содержалась.

1 Самаритян — гагаши депортированных.

ПАРТИЗАНЫ двенадцатого года

(Из русской истории)

В начале XVII столетия поляки, в начале XVIII столетия шведы, в начале XIX столетия разноплеменные огромные полчища Наполеона вторгались в Россию и покушались на целостность ее владений и на ее национальную независимость. И три раза русский народ выдерживал тяжкую, изнурительную борьбу и выходил из нее победителем.

Опаснейшей из этих войн было, конечно, нашествие Наполеона в 1812 году. Победитель и завоеватель всего европейского континента шел с огромной армией на Россию. И русский народ сокрушил гиганта.

Рядом с регулярной армией русский народ выдвинул из своей среды партизанские отряды, вписавшие славою страницами в историю великой всемирной войны 1812 года.

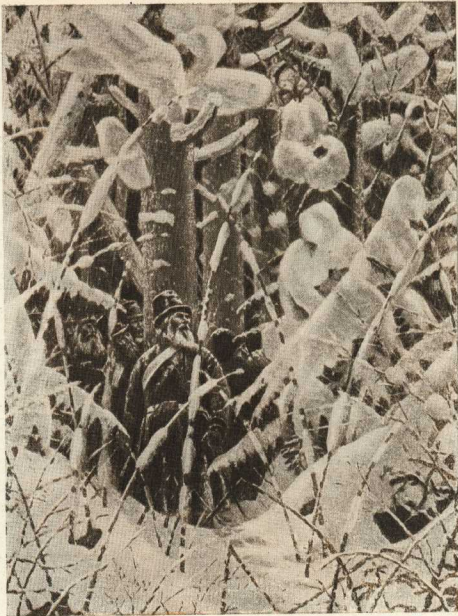
Присмотритесь ближе к этому замечательному явлению.

Нужно сказать, что мысль о партизанской войне подкапывалась прежде всего примером Испании, где Наполеон потерпел свои первые поражения. Это признавали и вожди русского партизанского движения.

Полковник Чувпевич, писавший свои «Рассуждения о войне 1812 года» во время самой этой войны, вспоминает и ставит в образец испанцев: «...Успехами от генеральных сражений с французскими силами, они разделили свои собственные части... часто прерывали сообщения с Францией, истребляли продовольствие неприятеля и томили его бесперывными маршами... Тщетно французские полководцы переходили с мечом в руках из одного края Испании в другой, покоряя города и целые области. Вспомоудущий народ не вымучка из рук оружия, правительство не теряло бодрости и осталось твердым в принятом единственном намерении: освободить Испанию от французов или погибнуть под развалинами. Нет, мы не падаем, мужественные испанцы!»

Русская народная война была совсем непохожа на испанскую. Она велась больше всего русскими крестьянами уже в армейских и ополченских мушкетрах. Но от этого она не становилась менее народной. Одним из проявлений народной войны были и партизанские отряды.

Вот как началась организация этого дела. Еще 2 сентября, за пять дней до Бородино, к князю Баргратиону явился подполковник Денис Давыдов, прослушавший у князя пять лет адъютантом. Он изложил ему пользу и значение партизанского движения, указав на возможность растянутой коммуникационной линии Наполеона — от Немана до Гжатска, в случае дальнейшего движения французов начать постоянные нападения и высылать налеты эту линию, на склады, на курьеров с бумагами, на обозы с продовольствием. По мысли Давыдова, всевозможные конвои отрядов. Сделав свое дело, партизаны, скрываясь от преследования вперед до нового случая. Отряды могут стать опорными пунктами и пунктами для сосредоточения и вооружения крестьян,

«Не замай, дай подойти!»

© картины художника В. Перепелкина

для возбуждения народной войны. Дело было перед Бородиным и, по словам Давыдова, «общее мнение того времени» было то, что, одержав победу, Наполеон заключит мир и вместе с русской армией пойдет в Индию. «Если должно непременно погибнуть, то лучше и лгду здесь; в Индии я пропалду со ста тысячами моих соотечественников без имени и за пользу, чудящую моего отечества, а здесь и умру под знаменем независимости...» Так говорил Давыдов князю Баргратиону. Об этом плане Баргратиону доложил Кузузов. Но Кузузов был очень осторожен и не склонен был к поездам героической фантазии. Он велел дать Денису Давыдову 50 гусар и 80 казаков. Таков, было очень скромное покла и совсем непристойное начало партизанской войны.

Не только кадровые офицеры становились организаторами партизанских отрядов. Были и такие случаи. 31 августа 1812 года русский арсенал стал отходить с боями на Царев-Завицкая, куда уже входили французы. Под солдатом драгунского полка Брюшасе Четвертакову удалось бежать от французского конвоя, и он явился в деревню Басмыны, лежавшую далеко к югу от столбов Смоленской дороги, по которой шла великая армия. Здесь у Четвертакова возникнет год план, который в те дни воз-

ник у Давыдова: Четвертаков решил создать из крестьян партизанский отряд.

Отмечу интересную черту: когда еще в 1804 году крестьянину Четвертакову забрали ложа, то он бежал на полях, был пойман и выкасан розгами. Но теперь он не только решил сам изо всех сил бороться с неприятелем, но и побудить к этому других. Крестьяне деревни Басмыны отнеслись к нему недоверчиво, и он завербовал лишь 1 человека Вилово пошли в другую деревню. По пути они истребили 2 французов, убили их и переделись в их платке. Встретив затем (уже в деревне Задково) 2 французских кавалеристов, они и тех убили и забрали их лошадей. Деревня Задково выделала в помощь Четвертакову 47 крестьян. Затем маленький отряд под предводительством Четвертакова перешла сначала партию французских кирасир численностью в 12 человек, потом очистила перебои, отчасти обратила в бегство неприятельскую полуроту численностью в 59 человек. Эти удачи произвели громадное впечатление, и теперь деревня Басмыны дала Четвертакову 253 добровольца. Четвертаков, неграмотный человек, оказался прекрасным администратором, тактиком и стратегом партизанской войны. Он проводил непрерывные вылазки нападением, умно и осторожно выслеживал небольшие неприятельские партии и молниеносными нападением истреблял их. Ему уда-

лось отстоять от мародерских грабежей громадную территорию вокруг Гжатска. Четвертков действовал беспощадно, да и ожесточение крестьян было таково, что едва ли можно было их удержать. Пленных не брали, но вёсла и солдаты Наполеона расстреливал без суда, на месте тех партизан, которые попадали в их руки.

О Четверткове заговорили. По первому же требованию к его маленькому (300 человек) постоянному отряду присоединилось около 4 тысяч крестьян, и Четвертков предпринял не более и не менее, как открытое нападение на французский батальон с оружием — и батальон отступил. Силой и оружием партизан захватились по домам, а Четвертков со своим постоянным отрядом продолжал свое дело. Только тогда опасность миновала и французы ушли, Четвертков явился в Гжатск в 1812 году в Могилев, в свой полк. Генерал Кологривов и генерал Эммануэль, произведя расследование, убедились в замечательных достижениях Четверткова, и в награду пользе, им принесенной, Витгенштейн просил Барклая наградить Четверткова. Награда была мизерной. Для крепостного крестьянина полков Заводовского отряда, который отнимали был заграницей наемки, кавалер бы ни был его подвиги.

Нужно сказать, что истинная историческая роль партизан не раз была предметом спора. Сначала, по горячим следам, по свежей памяти, о делах Давыдова, Фигнера, Сеславина, Вальбушевича, Кудашева и других говорились с восторгом. Любопытность и уважь молодёжиких набегов маленького партизанского отряда послужили ображением. Потом наступила некоторая реакция. Генералы и офицеры регулярных войск, герои Бородино и Малоярославца, не считая охотно соглашались ставить на одну доску со своими товарищами неизвестно где, неизвестно кому не подчинявшихся, неизвестно откуда налетавших, неизвестно куда скрывавшихся, отнимавших обозы, делавших добычу, наступавших на отступающую, настоящий, открытый бой с регулярными частями отступающей французской армии.

Справедливость требует признать, что партизаны принесли большую пользу войску, особенно начиная с середины октября и кончая Березиной, т. е. концом ноября. Они были несравненно более гибкою частью организации чем главная армия Кутузова и даже чем казачье войско Платова. Можно сказать, что особые, специфические свойства казачьей конницы могли быть в некоторых случаях производительнее всего использованы именно в партизанских отрядах.

Партизаны были великодушными и часто безумно смелыми разведчиками. Фигнер — прототип толстовского Долохова — в самом деле сядо в неприступный лагерь во французском мушкетёрском батальоне, и так не раз и не два. Сеславин в самом деле подкарался к французскому унтер-офицеру, звался его к себе на суд, и в результате привел русскую ставку. Давыдов в самом деле с партией в 200—300 человек выходя в пленку и обращал в бегство отряды в пять раз больше своей партией, оббивая русских пленных, иногда захватывая оружие.

Крестьяне гораздо легче и проще складывались и сплачивались с партизанами и их начальниками, чем с регулярными частями армии. Особенно важна была для партизан помощь крестьянства в самом начале партизанского движения в Московском уезде. Крестьяне Бронницкого уезда, Московского губернии, крестьяне села Николы-Погородного, близ города Вязьмы, беженские дорожные, сердишковые крестьяне принесли огромную пользу партизанским отрядам, выславшая отдельные неприятельские части и отряды, истребляя фуражиров и мародеров, наконец, с полной готовностью предоставляя партизанам лошадей и коров лошадей. Без этой помощи партизаны не могли бы и вволю добыть тех

результатов, которых они на самом деле добились.

Если в этой великой народной войне, которой война и должно считать с свою войну 1812 года, от начала до конца выдвигалось более точно и в более узком смысле слова действия, где крестьяне выступали советниками и до регулярной армии и до партизанских отрядов, то трудно заметить, что такая народная война началась лишь, со времени вступления неприятеля в Москву и продолжалась до конца пребывания наполеоновской армии в России.

И все современники (начиная с Ермолова) и сами крестьяне, высказывались об этом предмете и в 1812 году и позже, единодушно удостоверяют, что неустоявшая ненависть к солдатам наполеоновской армии осталась лишь тогда, когда крестьяне увидели, что истребление французов в самом деле долга разорвет, выгонит из домов, сжигает их дома. Но ненависть к завоевателям была не только во втором, но уже и в первом периоде войны, когда крестьяне в панталоны бросали все и бежали в лес.

Тогда эта ненависть только возникла. Но когда враг встал в Москве и сжег Митислав (в то время пожар Москвы принадлежал самим французам), когда вымыслилось окончательно, что ничего, кроме убийства и полного опустошения, неприятель с собою не несет, тогда эта ненависть приобрела особую остроту.

Потом началось отступление великой армии. И началось оно с бесчисленного взрыва Кремля, что довело до бешеной гонимости возвращающихся в Москву народа, нашедшего весь город в развалинах. На этот законченный акт — на взрыв Кремля — посмотрели как на злобное издевательство. Отступление сопровождалось плавом городов и сёл, через которые двигалась французская армия. В Вязьме были найдены русские пленные, запертые французами в собор, который был подожжен и лишь случайно не сгорел. На пути отступающей армии длинной, бесконечной колонкой шли черные точки: это были кулки убитых русских пленных, которых солдаты Наполеона истребляли не только под предлогом, что те больны, слабосильны и не могут дви-

который нанесли русские крестьяне великой армии, заморив ее голодом.

Герасим Курин, крестьянин села Павлов (близ города Богородска), составил отряд крестьян, организовал их, вооружил отрядами и фуражиров, вывезя с собой помощником крестьянину. Стасов же повел свой отряд на неприятеля и в бою с наполеоновскими кавалеристами обратил их в бегство.

Женщины-крестьянки действовали не менее энергично и проявили особенную поощрительность по отношению к неприятелю. Слухи (вполне достоверные и подтвержденные) говорили о насилиях французам над женщинами, поглавоначалу среди них Старостки Василисы (Сычевского уезда, Смоленской губернии), лично перебившая французов и грабителей немало наполеоновских солдат, не была исключением среди партизан. Участие женщин в народной войне замечается всеми источниками. К сожалению, далеко не все в этой области толком записывалось и регистрировалось.

Конечно, неустоявшие в этой войне крестьянки (кроме участницы Курин, Стасова или Четверткова) были исключением; чаще всего действия крестьян ограничивались организацией слежки за неприятелем и обороной населенных мест от вооруженных отрядов нападающих. И это было бесконечно губительнее для французской армии чем обстрелы даже самые для крестьян удачные налеты. Не пожар Москвы, не вооруженные нападения и не было почти до самого Смоленска, а русские крестьяне, ожесточенно боронившиеся с врагом, нанесли страшный удар отступавшему войску, окружив его плотной стеной непримиримой ненависти и подготовили ее конечную гибель.

Правительство не сочувствовало крестьянскому партизанству и по мере сил мешало его развитию, и не только тем, что крестьяне, вооружившись, пойдут против помещиков и восстанем извобавят от крепостного права. До чего эта трусовость помогла правительству, явствует из следующего факта.

Стоя близ города Клина ротмистр Нарышкин с кавалерийским отрядом. Увидев горячие желание крестьян помочь армии против неприятеля, Нарышкин приказал раздать имеющееся у него в отряде лишнее оружие крестьянам. Маршировавшие крестьяне, не имея большие крестьянские вооруженные отряды, шара возле Москвы, беспощадно убивали французов, пылавших из Москвы селиться крестьян, и приказывали своим и овам для лошадей. Пользу эти крестьянские партизаны приносили так полным образом огромную. И вдруг Нарышкин подает распоряжение о том, чтобы крестьяне и расстрелявать тех, кто будет уличен в возмущении. Удвоенный приказанием, столь же отвратительным и отвратительным поведению крестьян, и отвратитель, что не могут обезоружить руки, которые я сам вооружил и которые служили бы уничтожению врагов отчества, и наказать виновных, тех, которые жертвовали своей жизнью

для защиты своих церквей, своей независимости, жин и жилищ, и что они изменника предадут тем же наказаниям, какому для России минутой осмелилась вступить на самих ее усердных и верных защитников.¹

Есть ряд документальных доказательств того бесспорного факта, что правительство с явочески мешало крестьянскому пар-

В тысячу восемьсот двенадцатом году.

С картины художника И. Пиннишкова.

гаться за отступающей армией, но и просто, без всякого предлога: затем, чтобы избежать от лишней торо, когда и самим бесконечные шарами убитых русских солдат по обе стороны доруг, тут же приносила каяту — не шадит ни одного врага, который им попадется в руки.

Но самостоятельные действия крестьян не ограничивались поимкой и истреблением мародеров и отсталых, не ограничивались борьбой с фуражерами и уничтожением фуражиров, уничтожением того-то и было наиболее страшным, уничтожающим ударом,

¹ 1812 год в дневниках и т. д. Материалы Военно-учебного архива Главного штаба, вып. II, 112.

тизасскому движению и старался по мере сил его дезорганизовать. Оно боялось даже крестьянам оружие против французов, боялось, чтобы это оружие не повернулось потом против помещиков. Боялся Александр, боялся новгородской помещицы Аракчеев, боялся Балашиха, боялся и «свертляриот» Расточина, больше всех запугавший царя призраком пугачевщины. К счастью для России, крестьяне в 1812 году не повиновались этим приказам об их разоружении...

Партизанская война, крестьянская активная борьба, казачьи налеты, совершаемые в составе партизанских отрядов, то нищие казачьи части, при все уславившемся несодании, при ежедневном падеже лошадей заставляли французов бросать по дороге пушки, бросать часть клади с возов, а главное, бросать больных и раненых... Изуровненные несчастьями страдания, полуголодные, ослабшие войска шли по разоренной вконец дороге, обочающая свой путь трупами людей и лошадей, брошенными орудиями и вещами и оставалась беззащитна перед нашествиями большими. Пленных русских уже давно не было среди эти раненых и больных: их прикачивали, когда они не могли поспевать за конвоем. И чем ближе к Смоленску, тем более массовый характер приобретали эти убийства.

Около Можайска отступающая армия проходила мимо громадной равнины, пересеченной оврагом и речкой, с небольшими холмами, с равнелинами и неровностями берегами двух деревень. Вся равнина была покрыта гниющими трупами людей и лошадей, искверканными пушками, ружьям оружием, валившими в беспорядке и неподвижности к утробам земли. Солдаты французской армии не сразу узнали страшное место. Это было Бородино с его все еще похороненными мертвыми. Указавшие влечущие прощания водно теперь эти поле великой битвы. Шедшие на мучительные страдания и смерть в последний раз взглянули на товарищей, уже погибших.

Коленкур с возмущением доложил Наполеону, что шедший вперед отряд французской армии ни с того ни с сего разложил головы 2 тысячам русских пленных, которые при этом отряде находились. «Это страшная жестокость! Вот так цивилизация, странная жестокость! Но так ужасно, как будет действие, которое окажет варварство на неприятеля? Не оставляю ли мы ему наших равных и массу пленных? Разве у него не будет на ком ужасно отомстить?» — сказала Коленкур Наполеону. «Наполеон хранил мрачное молчание, но со следующего для эти убийства прекратились», — говорит граф Сегур и на этот раз говорит совершенно правду. И не думал никто эти избиения прекратить. Напротив, с каждым этапом отступления все эти ужасы усиливались и усиливались. Но кто из нас был прав, говоря, что эти и новые зверства даром французской армии не пройдут.

Император с гвардией шел в авангарде. Вышли из Вереи 28 октября, Наполеон 30-го был в Гатляте, 1 ноября — в Вязьме, 2 ноября — в Семеве, 3-го — в Савкове, 6-го — в Дорогобузе, 7-го — селе Михайлове и 8-го вступил в Смоленск. Армия входила вслед за ними частями — с 8 по 15 ноября. В течение всего этого бедственного пути от Магдорослава до Смоленска все опованя и самого Наполеона и его армия связывались со Смоленском, где предполагалось продовольственные запасы и возможность сколько-нибудь спокойной стоянки.

Но суждено было другое. В мертвом, полуразрушенном, полуотворенном городе отступающую армию ждал удар, словминый ополчительно дух многих ее частей: в Смоленске почти никаких припасов не оказалось. С этого момента армия была ополчительно стоить превращаться в бегство, а все, что было перенесено от Магдорослава до Смоленска, побледило перед той бедной, которая разразилась над великой армией уже после Смоленска и которая поглотила ее почти целиком.

Сидней Уэбстер решил не ехать на матч и остаться дома. Однако за час до начала он внезапно изменил решение. Конечно, мальчишка должен был бы вспомнить о нем и прислать ему приглашение и билет. Но желание увидеть бой побороло чувство обиды. Кроме того и сегодня должен был опаривать у Киды Клифтона звание чемпиона мира. Янг Роберт — такая была боевая кличка мальчишки.

Сидней Уэбстер вспоминал другой матч, шесть лет тому назад, когда он впервые увидел Роберта. Это было на соревнованиях новичков, где Уэбстер был почетным арбитром. Роберт выиграл перенство, хотя его искудное тело несло на себе явные следы долгого недоедания, а отбрасывая одежде свидетельствовала о бедности и месячных бродяжничества: у него был являющийся удар, всегда достигавший бедра на доло секунды раньше чем удар противника. Когда он был, все его тела и вся сила его мышц сосредоточивалась в кулаке, поражавшем как снаряд.

Уэбстеру повиривалось из нелепоудавившийся юнец с хмурым взглядом серых глаз и непоколебленным нуждой чувством собственного достоинства. Он взая его к себе. Уэбстер находился тогда в самом расцвете своей славы. Расцвет этот, впрочем, не был особенно пышным. Успех Уэбстера, его зарботки, его «цена» всегда были гораздо ниже его боксерского искусства. Он был самым простодушным для карьеры профессионала. Знаменитые манджеры, те, кто отдавали чемпионво, сразу улавливали в нем отсутствие коммерческой сметки, склонно-

сти к разного рода ажуризмским комбинациям и отступали от него. Его известность не переходила грани родного штата.

Роберт поселился в загородном домике Уэбстера, и боксер занялся тренировкой своего питомца. Старый чемпион передавал молодому боксеру искусство и опыт, накопленные за долгие годы. Роберт делал быстрые успехи, становился мастером. И все же Уэбстеру казалось иногда, что его ученик относился к тренировке с некоторым пренебрежением, словно изучал что-то важное и необходимое, но не главное, не основное. Он несколько раз призывал расширять Уэбстера о ажуризмской стороне профессионального бокса, о всей этой механике неожиданных успехов и скандальных проигрышей, о манджерах и импресарио, о борьбе боксерских лиг. Уэбстер рассказывал ему, что знал, но это не удовлетворяло любознательного юноши: он отводил в сторону спокойный взгляд и прекращал рассказ.

Однако и нелюдимый Уэбстер привязался к своему питомцу. Роберт стал для него как бы приемным сыном. Но напрасно он пытался привычь к себе сердце юнца: тот не проявлял ни благодарности, ни желания сблизиться. Равнодушный взгляд серых глаз, казалась, говорил: «Вас забывают роль приемного отца, — я не возвращаю».

Через год Роберт выиграл первенство профессиональных боксеров третьего разряда. Теперь, когда он был в отличной форме и прошел школу Уэбстера, все увидели в нем будущего чемпиона. Бескорень Аль Киди, одного из больших импресарио, в котором тот предлагал Роберту выступить в одной из предварительных лиг,

«обрамивших» матч двумя знаменитых тяжеломеров.

Роберт накутал своего противника во второй раунд. Аль Кифф, коренастый, широкоплечий человек с залысиной на голове и мясистым красным лицом, похолодев, его плечу тяжелой жилой рукой и сказал: — Хорошо, сыночек, хорошо, но слишком быстро. Хот бы дать еще пощипать до пятого. Публика хочет кое-что посмотреть за свои деньги.

— Да, сер,— отвечал Роберт, и Уэбстер удивился: голос Роберта, всегда спокойный и холодный, звучал из его рта несколько необычно. В нем не было подобострастия, но слышалась неясная готовность, недоговоренное предложение. Аль Кифф внимательно посмотрел на Роберта и выплюнул во слюдяной пошле прочь.

Через несколько дней после утренней тренировки Роберт уложил свои вещи и завали Уэбстера, что уезжает от него.

— Мистер Аль Кифф рекомендовал мне перейти к Ральфу Коббу.

Кобб был менеджером, «выставившим» не одного чемпиона профессионального бокса. Он славился ловкостью и неразборчивостью в средствах.

Уэбстер с изумлением смотрел на Роберта, стоявшего с чемоданом в руках. — И ты бросаешь меня? Меня, который победил тебя.

— Мистер Уэбстер,— прервал его Роберт,— оставь сантименты. Вы не сумеете сделать меня чемпионом, а Кобб и Аль Кифф сумеют. Я нужен им, и они нужны мне. А потому я перебежу к Коббу. Он повернулся и вышел. Уэбстер смотрел ему вслед. Роберт не оглянулся. Уэбстер сознавал, что мальчик прав. Какой он был, в сущности, менеджер? Но и своей-то карьеры не мог строить как следует. Да, мальчик был прав, но сделать все это надо было иначе. Уэбстер чувствовал себя глубоко обиженным. Нет, у маньяка было плохое сердце, хотя в спортивном-то отношении оно было безупречным. С этого дня Уэбстер не видел Роберта. Он слезил за его успехами по газетам и журналам. Было ясно, что Аль Кифф и Кобб ставили на него большую ставку.

Три года тому назад Уэбстер впервые победил Роберта письмом. Роберт сообщил, что через несколько недель обязательно встретится с мулатом Бен Сенгаем. По предположению всей прессы, Роберт мог легко выиграть этот матч. Он просил Уэбстера прислать ему тысячу долларов, обещая вернуть долг через пять дней.

Уэбстер исполнил его просьбу. Через пять дней он получил обратно не одну, а две тысячи.

«Благодарю. Прошу принять две. Заработавших ваших денег значительно больше»,— телеграфировал Роберт.

В тот же день в газетных сообщениях о его проигрыше Бен Сенгаем. И Уэбстер понял, что Роберт проиграл нарочно, отдав деньги на противника и сорвав, таким образом, крупную сумму.

К этому времени Уэбстер уже ушел с ринга. Врачи асцитозно обнаружали у него зачатки болезни сердца. Он окончательно поселился в своем загородном доме и занялся фермерством. Его попрежнему следила за карьерой Роберта, шагающего от успеха к успеху. Теперь он приближался к самой вершине, стал чемпионом, тем, кто имел право звать чемпионом мира в своем весе и опаривать у него титул.

Чемпионом мира был Кид Клифтон. Уже несколько лет он не знал поражений, у него не было даже ничьих. Помимо силы и искусства Кид имел перед своими противниками необычное, но крайне важное преимущество: он мог не защищать своего сердца.

Славный удар под сердце, так же как и удар в нижнюю челюсть и в солнечное сплетение, дает нокаут. Противник делает два-три шага вперед, у него опускаются руки, подгибаются колени, он падает на брезент ринга и несколько десятков секунд не может перевести дыхания. Кид Клифтон не боялся ударов в сердце. Оно отличалось у него загадочной нечувствительностью.

И, а то время как его противник приходилось защищать при узких местах, Кид защищал только два—челюсть и солнечное сплетение. Боксеры и менеджеры любили себе головы над этим непонятным феноменом. Это и помогло ему. Кид Клифтон—его называли Кид Бессердечный—оставался чемпионом.

Пока Роберт готовился к бою с Клифтоном, Уэбстер написал ему подробное письмо своим соперкам. Он не получил ответа так же, как не получил и приглашения на матч Янг Роберт, челленджер, игнорировал его, Уэбстера, который слезал из голодного бродяги чемпионом. Но Уэбстер все же ехал на матч.

Старый боксер отодвинул дверь маленького гаража, сел за руль автомобиля, вывел машину, задвинул дверь и спускался за руль. Выскочив за ворота, он стал спускаться по извилистой дорожке, которая вела от домика к шоссе. Шоссе было, как всегда, пустынным. Но в ту минуту, когда автомобиль Уэбстера выскочил на шоссе, из-за угла выскочил худой, выцветший, старый мальчик. Уэбстер почувствовал сильный толчок, его автомобиль накренился и опрокинулся на бок, он с силой был выброшен из дороги и потерял сознание. Боксер очнулся в себе. По случайной случайности он остался невредим.

Поднявшись, он увидел, что с другой стороны шоссе, на траве, сидел человек. Возле него стоял предельно большой исландский врач, осматривав сидельца. Лицо последнего показало Уэбстеру знакомое, но он никак не мог вспомнить, где оно его видел. Между тем видел он его несомненно, и даже не один раз. Врач заканчивал осмотр.

— Никаких повреждений,— сказал он,— теперь послушаем сердце. Он приложил руку к груди своего пациента и стал внимательно слушать.

В это время один из людей, стоявших рядом с врачом, заметил Уэбстера. Внезапный испуг отразился на его лице, одним взглядом он уставился на старым боксером и человеком, сидевшим на земле, и зарогал себя самого последнего.

— Конечно, доктор, мы забыли о посторождении,— проговорил он. Врач поспешно оглянулся и встал.

— Человеческая машина в полном порядке,— сказал он, бросив подозрительный взгляд на Уэбстера,— а как с другой? Можно ехать?

— Можно ехать,— ответил шофер.

Люди поспешно уехали в машину, мотор заработал, и вскоре Уэбстер остался на шоссе один возле своего опрокинутого автомобиля. И в то же мгновение он вспомнил, кто был Кид Клифтон, Кид Бессердечный, чемпион мира среднего веса, против которого Роберт с его соперниками Сотти раз видел Уэбстер его фотографии в газетах и журналах.

Но почему его спутники так испугались, когда заметили Уэбстера? Уэбстер задумался. Он восстанавливал в памяти слуховые встречи во всех подробностях... Внезапно Уэбстер вскрикнул, пораженный блеснувшей мыслью. Он отгадал! Он вспомнил, что врач, выслушав сердце Клифтона, прикладывая стетоскоп к правой стороне его груди. Так вот в чем заключалась тайна Кид Клифтона! Эта тайна оказалась дольною этой: правостороннее сердце Уэбстера не считал, что нормально, очень редко, встречается такая структура природы.

Итак, он держал в руках сердце Клифтона и был уверен, ключ к победе Янга Роберта, этого «мальчишки», забывшего о его существовании. Но в тот же вечер в конце комнаты. Образ изжудого сероголового новичка, мужественно бьющегося на ринге,

встал перед Уэбстером. К чорту обиду! Он должен доказать, что имеет свое сердце. Роберт должен стать чемпионом. Но как добраться до города? До начала матча оставалось только час, и в 6 часов мальчик пути отдался Уэбстера от безымянной стадиона, где был построен ринг. Автомобиль, безусловно искалеченный, лежал на обочине. Года два тому назад ничего бы не стоило проехать за час степе с половиной миль. Но теперь, с его сердцем, если не приняв решения, Уэбстер шагнул к городу. Он шел крупным, ровным шагом боксера на тренировке, шагом, которым исходил за свою карьеру не одну тысячу миль.

Он шел не спеша: надо было сначала размяться, втянуться в темп. К концу первой мили он шел уже быстро, помогая себе сильными мышцами рук. Но вглянувшись на часы, он убедился, что потратил на первую милю четырнадцать минут. Он перешел на легкий, спокойный бег. Таким бегом он в старое время мог бежать два, три часа, не чувствуя ни малейшего затруднения. Но теперь сердце вскоре оповестило его, что диагноз врачей был правдив. Пробегав яров двести, он вынужден был снизить темп. Он бегал осторожно, и лишь только сердце немного успокоилось, снова побегал.

Уэбстер уже обдумал, какой тактики надо было держаться Янгу Роберту: он должен был биться в правосторонней стойке, повернувшись к противнику правой стороной. Если Клифтон тоже перейдет в правостороннюю стойку, он будет открыт для ударов в сердце. Если он сохранит обычное положение, оба боксера будут иметь равные шансы.

Вторую милю Уэбстер пробежал в десять минут. Сердце заработало—он чувствовал себя лучше. Но надо было прибавить ходу. Осталось тридцать шесть минут и четыре с половиной мили. Теперь надо было делать милю в восемь минут. Уэбстер ускорил бег, и сердце снова заработало. Проклятое сердце! Ему не было дела до Роберта и его борьбы за звание чемпионом мира. Оно громко заявляло о своих правах; в свое время оно много и честно поработало, это—сердце старого боксера, и теперь требовало, чтобы его щадили. Оно билось в груди Уэбстера, в его горле, в его висках.

«Подожди,— говорил ему Уэбстер,— покажу еще один раз. Последний».

И он бежал дальше, мия за милей, откинув назад голову, широко раскрыв рот, чувствуя свиновую тяжесть во всех мышцах, которым не хватало кислорода. Сердце билось в горле, в глазах стояли красные круги. Добежать, сказать два слова, упасть на дышало...

И-за поворота дороги показались стадион. Минутная ступенька приближалась к нему, к двенадцати. Осталось три минуты. Он может устать, если его не задержат у входа. Дорога вымела на уличку

1 Милл — 1,6 километра.

Он бежал дальше, мия за милей, чувствуя свиновую тяжесть во всех мышцах...

пригорода. Машины шли одна за другой к стадиону. Но уже не было смысла просить кого-нибудь подвезти: стадион был рядом. Никто не задержал Уэбстера у входа. Контролеры узнали его. Им не пришлось в голову, что у него не было билета.

Уэбстер подбежал к уборной, на дверях которой большими буквами было написано «Янг Робертс», отстраня помощника, загордившего ему дорогу, и открыл дверь. Кто-то, лежавший на диване, приподнялся ему навстречу. Он узнал хмурый взгляд серых глаз. Янг Робертс был уже одет к бою. Массажист легкими поглаживаниями разминал ему бедра и живот. Выражение досады легло на лицо боксера, когда он увидел вторгнувшегося в его святаящизне Уэбстера.

— Садуй, мальчик, — заговорила последняя пара переводов дикими. — Я узнал тайну Кайфтона. У него сердце...

Голос старого боксера осекся. Страдание исказило его лицо, внезапно побледневшее. Он схватился руками за грудь и рухнул на пол.

— Посмотрите, что с ним, доктор, — сказал Янг Робертс человеку в белом халате. — Это старый Уэбстер... Только не здесь, — прибавил он раздраженно, видя, что врач собирается приступить к осмотру. — Перенесите его куда-нибудь, а я не хочу отвлекаться перед боем.

Он откинулся на диван, и массажист снова принялся за свою работу. Помощники и врач подняли Уэбстера и понесли его в соседнюю комнату. Прибы стадиона донесся в открытую дверь.

— Что это так долго нет Ральфа? — сказал Робертс через минуту. В голосе его звучало беспокойство и нетерпение.

В коридоре посыпались тяжелые шаги, и в уборную вошел Ральф Кобб, менеджер. Он подошел к Робертсу и жестом удалил остальных из комнаты.

— Кайфтон «сгагасен», — сказал он вполголоса. — Ставки стоят шесть к одному в его пользу. Он решил сыграть против себя. Это даст ему больше чем приз. В четвертом раунде, на второй минуте, когда я переключился с верхнего каната на средний, он пропустит твой удар справа в челюсть. Бей сильно, но оставни перчатку у его щеки: он сумеет симулировать нокаут.

Янг Робертс вскочил, и глаза его блеснули: карьера его была сделана. Ральф Кобб наклонил ему на плечо халат и позвал помощников. В это время в уборную вошел врач.

— Разрыв сердца, — сказал он, — смерть наступила мгновенно.

Робертс удивленно посмотрел на него. Он не сразу понял, о ком идет речь. Разговор с Коббом вытеснил из его памяти Уэбстера. Но затем обаяние старого боксера возник перед ним с яркостью зрительного образа, и Робертс вспомнил ту короткую полосу в своей жизни, когда он впервые узнал ласку и бескорыстную дружбу великодушного сердца, вспоминая встречу на соревновании для новичков, жизнь в маленьком домике, свой уход...

«Зачем этот чужак прибежал сегодня? — подумал Робертс. — Что он хотел мне рассказать?»

Ральф Кобб с удивлением посмотрел на своего бойца. Он никогда не видел у него этого взволнованного, отсутствующего взгляда. Но Робертс провел рукой по лицу, и выражение задумчивости исчезло. Трудная задача стояла перед ним: три с половиной раунда притворного боя, который надо было провести с ослепительным блеском и так умело, чтобы ни у одного из зрителей, ни у одного из заправил боксерских янн не возникло сомнения в том, что бой настоятельный.

Эту задачу надо было продумать во всех подробностях в течение минуты. Голос распорядителя уже вызывал боксеров. Янг Робертс решительно шагнул к двери и вместе с Ральфом Коббом прошел по коридору к выходу на ринг.

Прибы стадиона рванулся к ним навстречу с удивленной улыбкой...

Краснознаменный ледокол «Красин» прокладывает путь сквозь льды.

ЛЕДОКОЛЫ

Н. ЛАБКОВСКИЙ

Первые попытки человека завоевать Крайний Север относятся к далеким временам, отстоящим от нашей эпохи на тысячелетия. В священных книгах древних индусов и в сказках древних персов упоминается о стране, где зима длится 10 месяцев, а год состоит из одного дня и одной ночи...

Греческий путешественник Пифей в 325 году до нашей эры приблизился к полярному кругу и первый описал «свернувшееся море», в котором нетрудно узнать Северный Ледовитый океан. Это «свернувшее море», т. е. море, покрытое льдами, всегда было самым страшным препятствием для путешественников, пытавшихся раскрыть тайны Крайнего Севера.

История полярных экспедиций рассказывает о том, что катастрофы, постигающие смельчаков, отправлявшихся к высоким широтам, всегда имели одну и ту же причину:

не было у людей такого судна, которому нестрашны были бы ледовый плен и удары торосов. Впервые теоретически обоснована возможность хождения во льдах морской инженер Р. И. Рушеберг. Он попытается доказать, что плавание во льдах — не утопия, и разработал расчет ломки льда. Работа Рушеберга не прошла бесследно, хотя практических результатов она не дала.

В 90-х годах прошлого столетия русский инженер С. О. Махаров после многих опытов и вычислений пришел к заключению, что для путешествия во льдах нужен корабль гигантской величины, весь обитый стальной броней. Корпус этого судна должен быть эллиптической формы, подводная часть — не острая, а яйцеобразной. При встрече с непроходимыми льдами это корабль будет забираться на них и тяжестью своего его продавливать. Такому судну не будут страшны и сжатия льду. Лед, сжа-

маньса, поднимет корабль и под его тяжестью превратится в крошево. Эти мысли Макаров изложил в докладе и вместе с разработанным проектом ледокола представил этот доклад в 1897 году в Академию наук и Русское географическое общество.

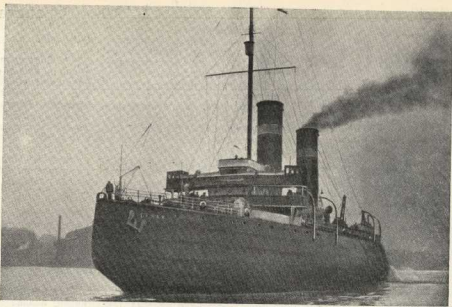
Быть может, проект и был бы принят благосклонно, если бы в биографии вице-адмирала не было одной неприятной для царских чиновников подробности: вице-адмирал Макаров выбыл «в отставку» из-за ревности. Этот и последующие ледовые походы «Ермака» убедили Макарова в необходимости некоторых конструктивных изменений: так, передний винт оказался лишним, и его сняли.

В 1904 году, в русско-японскую войну, адмирал Макаров погиб во время взрыва броненосца «Петропавловск». Его идея, которую современники считали скопиримированной, дала свои плоды лишь много лет спустя после его смерти.

В 1905 году ледокол «Ермак» сел на каменную банку недалеко от острова Вайгач. С тяжелыми повреждениями он был доставлен в Кронштадт, где и находился почти 20 лет в качестве единственного ледокола Ленинградского торгового флота. И лишь в 1934 году, после того как судостроители балтийского завода решили омолодить «дешушку ледокольного флота», он вновь появился в просторах Арктики.

За это время русский ледокольный флот обогатился новыми судами: ледоколом «Красный», того же тоннажа, что «Ермак», но еще большей мощности, ледоколом «Литке», ледокольными пароходами «Малыгина», «Сибиряков» и многими другими менее мощными судами.

Ни в одной стране нет такого мощного ледокольного флота, как в Советском Союзе. Один из самых сильных германских ледоколов, «Эйбергер-III», имеет в длину 44 метра, мощность его машин равна 1200 лошадиных сил. Советский ледокол «Красный» имеет в длину 97 метров и 3 машины мощностью в 10 тысяч лошадиных сил.

«Дешушка ледокольного флота» «Ермак», совершивший первое плавание в полярных льдах Шпицбергена сорок лет назад. На «Ермаке» герой-патриоты вернулись к родным берегам советской земли.

Своими смелыми экспедициями в глубь полярных льдов советские суда покрыли себя неуязвимой славой. Блестящие плавания «Красина», «Малыгина», «Сибирякова», «Литке», «Садко» положили конец последним сомнениям в целесообразности применения ледоколов. Весь мир восхищался героическими операциями ледоколов «Таймир» и «Мурман» по снятию с дрейфующей льдины палатников.

«Ермаку» в нынешнем году исполняется 40 лет. Он блестяще провел в 1934 году операцию в Карском море и вторую Ленскую экспедицию. И хотя он носит почетное звание «дешушки ледокольного флота», это не значит, что ему пора на покой. На «Ермаке» вернулись к родным берегам герман-палатники.

В освоении Арктики ледокольный флот незаменим. Советские ледоколы ведут большую научно-исследовательскую работу, изучают северные моря, проводят караваны торговых судов по великому северному морскому пути, покрывают Арктику. Работа все увеличивается. И вот уже наезд вопрос о постройке в Советском Союзе новых, сверхмощных ледоколов...

В прошлом году на судостроительных заводах были заложены четыре гигантских ледокола. Два из них: «Иосиф Сталин» и «Лазарь Котлянович» уже спущены на воду. Первый строится в Ленинграде, на балтийском судостроительном заводе имени Серго Орджоникидзе, второй — в городе Николаеве, на заводе имени Андрея Марти.

Флагманом ледокольного флота будет сверхмощный ледокол «Иосиф Сталин». Это — не только самое мощное, но и самое комфортабельное в мире арктическое судно. В новом ледоколе можно при желании увидеть родовые черты его прадеда «Ермака», но по своей конструкции, размерам, мощности машины новый ледокол ни в чем не сравним.

Для слоя специальной «ледовой» стали толщиной в 50 миллиметров поясняют судно. Эти борты не будут страшиной никакие льды. Гигант, которому суждено стать покорителем Арктики, имеет в длину 166 метров, в ширину — 23 метра. Его водоизмещение — 11 тысяч тонн.

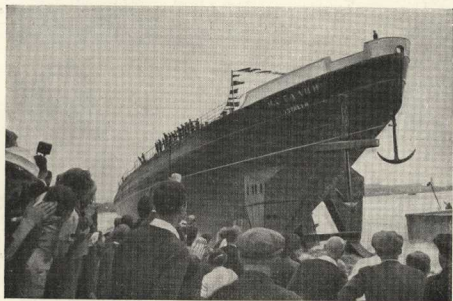
На новых советских судах давно уже нет общих кубриков для команды. Однако столь комфортабельных кают для родовых членов команды, как на этом корабле, нет ни на каком другом.

Электрическая кухня, рефрижераторы для хранения продуктов, мельничная механизированная хлебный завод обеспечат участника экспедиции всем необходимым во время арктических плаваний.

К услугам мореплавателей механическая прачечная, бани, души, ванные комнаты, большие приспособленные для индивидуальной работы библиотечки, лаборатории для научных работ, звуковое кино, радиотрансляционные узлы. В радиорубках новых ледоколов будут размещены коротковолновые и длинноволновые радиостанции. На каютах широты ни находились суда, они смогут переговариваться со всем миром.

Бесконечные узлы и переулки балтийского судостроительного завода невольно приводят к ступени. Рядом с опустевшей каюбелью ледокола «Иосиф Сталин» стоит на стальных гигантских остовах такого же мощного судна. Это третий из серии новых ледоколов — сверхмощный ледокол «Бичевас Модотов». Вскоре и он поднимется на 6 этажей в высоту и затем по наклонным дорожкам медленно сойдет в воду. К тому времени флагман ледокольного флота «Иосиф Сталин» и ледокол «Лазарь Котлянович» уже получат боевое крещение во льдах Арктики.

Древняя мечта человека о проникновении в тайны полярных льдов осуществляется в наше время советскими мореплавателями, на великолепных советских судах...

Наша страна, имеющая самый мощный ледокольный флот во всем мире, обогатится новыми, сверхмощными ледоколами. На снимке: спуск на воду гигантского флагманского ледокола «Иосиф Сталин».

Памятные ДАТЫ

Миклуха-Маклай

(50 лет со дня смерти)

Н. И. Миклуха-Маклай (1846-1888).

Большая половина жизни знаменитого русского путешественника Николая Николаевича Миклуха-Маклая (родился 5 июля 1846 года, умер 2 апреля 1888 года) прошла в странствиях. Особенную известность ему доставило пребывание на Новой Гвинее (в 1871-1872, 1874 и 1876-1877 годах), среди папуасов, которые тогда считались самым диким из остальных народов земного шара. Миклуха-Маклай в общении с туземцами всегда придерживался заработанных им правил: никогда не обманывать, оказывать жителям

полное доверие и ни в коем случае не применять насилия.

Высказавшись на острове с русского корабля «Витязь», Миклуха-Маклай поселился на берегу. На вопрос капитана, почему он хочет жить на берегу, а не в туземной деревне, Миклуха-Маклай ответил: «За незнанием языка я не могу попросить об этом позволения у туземцев, называясь же им мое присутствие считано фактивным». Миклуха-Маклай вел кропотливые этнографические исследования, результаты которых имеют громадное научное значение. Между прочим он установил, что у папуасов нет частной собственности, разделения на классы, государственной власти. Выводы Миклуха-Маклая полностью подтверждали марксистскую теорию о том, что первобытное общество было построено на коммунистических началах.

Миклуха-Маклай доказал также, что у папуасов нет никаких

Папуасская деревня. С рисунка Миклуха-Маклая.

существенных анатомических отличий от белых, и этим опровергел лживую теорию некоторых буржуазных ученых, подвзваченные ныне фашистами, о том, будто отсталые народы принадлежат к особым, «низшим» расам.

Труды Миклуха-Маклая впервые были опубликованы лишь при советской власти.

Гаршин

(50 лет со дня смерти)

Всенод Михайлович Гаршин прожил короткую и тяжелую жизнь. В 1877 году, когда началась русско-турецкая война, Гаршин бросил учебу в Горном институте и уехал добровольцем в армию.

На войне Гаршин был ранен. По возвращении в Россию он занялся литературной работой. Временами на него находили депрессивные приступы тоски. С годами приступы учащались и переходили в настоящее помешательство. Душевная болезнь Гаршина обострялась под гнетущей обстановкой, которая его окружала. 31 марта 1888 года, предчувствуя наступление особенно сильного приступа, Гаршин бросился в пролет лестницы своего дома. 5 апреля он скончался.

Гаршин видел ужасы войны. Он видел беспрестанно солдат и зверское обращение с ними офицеров (военную среду он описал в рассказе «Из посещения русского Николаева», «Денщик и офицер»). Его возмущало равнодушие «общества к бедствиям народа».

В своих рассказах Гаршин описывает трагическую судьбу человека, который в одиночку

В. М. Гаршин (1855-1888).

воюет против зла и погибает в неравной борьбе. В рассказе «Красный цветок» помешанный срывает цветок, в котором он зла, и умирает, оравший, как ему кажется, ядовитым цветком.

Гаршин мучительно воспринимал страдания народных масс, он понимал, что они вызваны существующим общественным строем, но не знал, как с этим строем бороться, и этим была трагедия жизни и творчества Гаршина.

Франсуа Рабле

(386 лет со дня смерти)

В 1533 году во Франции издали книгу под заглавием «Странные и ужасные деяния и подвиги преславного Пантургузля, короля диспосод, сына великого великана Гартанго». Автором книги, составившей впоследствии вторую часть романа «Гаргантюа и Пантургузль», был прославленный французский писатель-гуманист Франсуа Рабле (1494-1553).

В юности Рабле был монахом. Он бежал из монастыря, чтобы на свободе заниматься наукой. Во время своего странствия раз приходилось спасаться от преследований, которые навлекли на него его книги.

«Гаргантюа и Пантургузль» — книга, полная веселья, смеха и забавнейших приключений. Материалом для нее послужили дубовые издания того времени, прославившие подвиги созданных народной фантазией добродушных великанов — кулы и обжор. Произведение Рабле — глубоко народное по своим истокам и по своей злободневной грубоватой жизнереальности. Вместе с тем книга Рабле — жестокая сатира на все

Les Ouvrages de M. Francois Rabelais Docteur en Medecine qui ont esté Imprimez de Paris par Gilles Corrozet et de son Fils Pantagruel.

Франсуа Рабле (1494-1553).

языки средневековья: она беспощадно высмеивает схоластическую науку, жадное и мещанское духовенство, реакционную нетерпимость, произвол и поборы чиновников и судей.

В дни, когда фашистские варвары пытаются вернуть человечество к мрачным временам средневековья, бессмертное творение Рабле представляет особую ценность.

Гарвей

(360 лет со дня рождения)

До XVII века в науке существовали самые страшные и путаные представления об устройстве человеческого тела. Ученые утверждали, будто в человеке есть два вида крови — «грубая» и «духотворенная». Попадая в различные части организма, кровь будто бы уничтожается и заменяется новой. Центром движения крови считали сердце, а печень. Эти нелепые теории, подтерженные не практическими исследованиями, а сочинениями схоластов-церковников, были опровергнуты в XVII веке великим английским физиологом Вильямом Гарвеем (родился 1 апреля 1578 года). В своем сочинении «О движении сердца и крови», вышедшем в 1628 году, Гарвеем доказал, что кровь в теле человека и животных движется по замкнутому кругу. Иссточником этого движения является сердце, которое есть не что иное, как мышца, сокращаясь и сжимаясь, собирающая кровь в себя и затем выталкивающая ее в кровеносные сосуды. Свою теорию Гарвеем обосновал огромным количеством опытов и исследований живых организмов. «Не при помощи чужих книг, другими написанных, а при помощи многочисленных исследований, опираясь на факты, открыл я отравления сердца и его роль в теле животных», — писал Гарвеем.

Черезвычайно ученые-схоласти, доктора лечившие больных по рецептам древнегреческих врачей и не изменяя представления об устройстве человеческо-

го тела, обрушились на Гарвея. Знаменитый французский врач Гюй Патея назвал открытие Гарвея «парадоксальным, беспосредственным, ложным, невозможным, непонятным, нелепым, вредным для человеческой жизни». Но еще при жизни Гарвея его учение vigorously восстанавливало.

Другим великим открытием Гарвея было установление того факта, что живые существа (не только птицы, но и животные) развиваются из яйца-зародыша. Свое открытие Гарвеем формулировал в латинской изречении: «Omne animal ex ovo» — «Все животное из яйца». Это положение явилось основой для новой на-

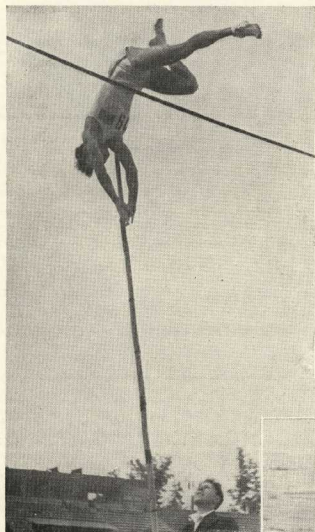

Вильям Гарвей (1578-1656).

уки — эмбриологии (учение о развитии зародыша).

Гарвеем является отцом современной физиологии. Он открыл перерывот в науке о жизни и направил ее на единственно верный путь — путь опыта и исследования.

НА ДРЕЙКОЙ *лететь выше* ВОЗДУХ

Видели ли вы, как взлетает над рейкой Николай Озолин? Вот еще секунду назад стоял он, держа в правой руке длинный бамбуковый шест. В следующее мгновение он двинулся с места. С каждым шагом ускоряя бег, несетса прыгун с шестом наперевес в атаку на четырехметровую высоту. Все ближе и ближе рейка и вдруг острое шеста возникает в земле. На какую-то долю секунды земное притяжение выпускает из своих лап человека. Вот он, только что бежавший по земле, взлетает в воздух. Вот он повис в голубом небе и, кажется, парит над стадионом... Знатоки смотрят на него, закинув головы, и говорят: — Прыжок мог бы быть еще выше. Над рейкой есть еще воздух.

В каждом виде спорта есть какой-то особый колорит, присущий именно этому виду спорта. Дух прыжка — быстрота. Бокс — мужество. Горнолыжная гонка — высшее выражение неутомимости. Прыгун с шестом как бы концентрирует всю эту гамму душевных качеств: быстроту, мужество, неутомимость.

Николай Озолин невысокого роста. Высота, которую он берет, превышает его рост в два с половиной раза. Прошлым летом Николай Озолин победил за границей. В Антверпене к группе советских спортсменов подошел репортер норвежской спортивной газеты.

— Я хотел бы увидеть Озолина, — сказал он. Увидая невысокого тридцатилетнего человека, репортер пробормотал: — И это он побил Чарльза Гоффа?

Репортер оказался другом замеченного норвежца. Десятилетние лет европейский рекорд Чарльза Гоффа был неколебим, ни один шестовой Старого света не мог повторить высоты 4,25 метра. Летом 1937 года Николай Озолин прыгнул 4,26 метра.

Николай Озолин ведет рабочий дневник. Вот уже десять лет, как он заносит сюда результат каждого тренировочного дня. Перелистывая страничку тетради, легко восстановить весь ход борьбы Озолина за большую высоту.

Прыгун изучает самого се-

бя. Опыты производятся в моменты крайнего физического напряжения, в необычной для человеческого сознания обстановке, когда какую-то долю секунды тело висит в воздухе ввинт головой, издается над планкой, летит ввинт с четырехметровой высоты.

Единственные приборы этих опытов — тонкая деревянная рейка, через которую прыгают, и шест, с помощью которого прыгают. Исследованию Озолиню посвящена книга «Биомеханический анализ прыжка». Пользуясь законами механики, Озолин разработал основные элементы прыжка с шестом. Он исследует законы падения тела, законы его падения. В основу этой работы легли десятилетние наблюдения над самим собой.

Этот спортсмен-ученый — начальник кафедры легкой атлетики Института физической культуры имени Сталина. Двадцать педагогов, сотни учеников работают под его руководством.

Началось все очень просто. Мама купила Коле трусы и велела заниматься спортом. Коле шест тогда пятнадцатый год, а советской республике — пятый. Жил Коля в Пензе. О прыжках не было и мысли. В Пензе с шестом не прыгали по той простой причине, что в городе не было шестов. Первый свой прыжок Озолин совершила с казачьей пинкой. Лихо ухватив пинку, бросился он в атаку. Результат был неблестящий — 2,16. Но это его не печалило. Юноша был увлечен другим. Его тянуло в воздух. Ему хотелось стать планеристом, летчиком.

Первое крупное соревнование, на котором он участвовал, было планерным соревнованием в Коктебеле. Затем он поехал в Москву учиться в Институте физической культуры.

На одном курсе с Озолиным учились два брата Дьячковы. Уже тогда известные спортсмены, они чуть ли не единственные в Москве прыгали с шестом. Посмотрев несколько раз, как прыгают Дьячковы, Озолин взял высоту 2,65. Это был его второй прыжок.

Цифры эти ничего не говорят, если не знать специфических особенностей этого вида спорта. Вот что пишет, например, один из мировых знатоков шеста, тренер Детройтского университета Давид Л. Гольмс:

С каждым шагом ускоряя бег, несетса прыгун с шестом наперевес в атаку на четырехметровую высоту

Кадр из фильма «Если завтра война».

Кадр из фильма «Глубокий рейд».

той проходят полки. Их приветствует вождь народов великий Сталин, мудрое руководство которого — непрекращаемый залог победы и в этом грозном бою.

Третий фильм — «Глубокий рейд» — также посвящен теме будущей войны. После того как враг нарушает границу, советский Воздушный Флот получает задание — глубоко проникнуть на территорию противника, уничтожить крупнейший центр его оборонной промышленности.

В воздухе поднимаются сотни советских самолетов. Они быстро достигают цели, но противник открывает огонь.

Зритель наблюдает незабываемые, героические эпизоды. Командир подбитого самолета приказывает выброститься на парашо-

тах всему экипажу. Теперь, выполняя приказание, он должен выброститься и сам, но внезапно видит замаскированную, подземный аэродром врага. Жертвуя жизнью, героический летчик устремляет машину на бетонированную площадку. Самолет взрывается, вспыхивает пожар — и подземный аэродром врага уничтожен.

Высокий героизм и блестящее искусство советских летчиков обеспечивают успешное выполнение задания. Центр оборонной промышленности агрессора уничтожен.

Фильмы, о которых мы рассказываем, не лишены погрешностей. Во всех трех филь-

мах недостаточно подробно и убедительно раскрыты источники советского героизма — характер людей нашей страны. Но все три фильма имеют решающее достоинство: они близки думам и чувствам нашего народа, правильно выражают их.

Фильм «Граница на замке» правдиво и просто показывает героические будни пограничников. Лишенная надуманности и ложного пафоса, убедительно доказывающая, что любой героический поступок осознается защитниками наших границ, как прямое выполнение долга, картина эта тепло принимается зрителем.

Фильм «Если завтра война» хорошо показывает движение масс. Игроные, специально поставленные, размытые актерами эпизоды сочетаются в фильме с большими кусками хроники, т. е. с запечатленной на кинематографической ленте подлинной советской действительностью.

Когда мы видим в фильме, как Героев Советского Союза Громова, Водопьянова и другие садятся в самолеты, чтобы лететь на врага, — это не значит, что Героев изображают загримированные под них актеры. Нет, сняты настоящие Герои. И они не позырвали для данного фильма, а сняты в нормальной своей рабочей обстановке. Соответственные куски хроники придают эпизодам фильма непрекращаемую убедительность и огромную, впечатляющую силу. Ибо мы знаем: будут гордые соколы нашей родины поражать врага, будут завоевывать победы! Своеобразный монтаж игрового фильма с хроникой не обманул нас, но помог нам заглянуть в будущее.

Несколько специальных характер носит третий фильм — «Глубокий рейд», цель которого — показать зрителю все стратегические особенности совершеншей воздушной операции. Цель эта достигается.

Все три фильма несколько не покрывают, разумеется, долга нашей кинематографии перед оборонной темой.

Советский зритель ждет множества разнообразных, талантливых и глубоких фильмов, отражающих патристические чувства нашего народа.

Л. СЕМЕНОВ.

29

Диверсант задержан. Начальник заставы (артист Свашенко) рассматривает отобрабанные документы. (Кадр из фильма «Граница на замке».)

Шахматы

Задача № 71

В. Федорин (посадк Некоуз,
Ярославской области)

Белые, начиная, дают мат в три хода.

Задача № 71—первый и, безусловно, удачный опыт начинающего составителя. Вступительный ход в этой задаче обнаруживается без труда. В этюде № 14 знаменитого испанского композитора после смелой охоты на ферзя белые нежиз-

Этюд № 14

Г. Риник (Барселона).
Из сборника этюдов

Белые, начиная, выигрывают.

данно создают финальную угрозу совсем другого порядка. Этюд этот труден, но вряд ли кто докажет, о времени, затраченном на его решение,—на столько красно и занимательно содержание этюда.

ПЕРВЕНСТВО ПРОФСОЮЗОВ

В марте закончился четвертый чемпионат профсоюзов СССР. Он начался десятками тысяч турниров на фабриках, заводах, в учреждениях. Победители этих турниров играли в областных, республиканских и всесоюзных турнирах своих профсоюзов. Лучшие из лучших составили финальный турнир.

Наряду с гроссмейстером Лиденталем, мастерами Лисицыным, Чеховером, Алаторцевым, Рагозиным, Пановым, Мазелем, известными первокатегорниками Соколовым, Чистяковым и другими в финале играли молодые первокатегорники: комсомолец П. Троицкий (Владивосток), саясарь-механик В. Васильев (Ленинград), комсомолец-железнодорожник Н. Копсаев (Воронеж) и др. И неплохо играли!

Вот, например, окончание партии Н. Копсаева против чем-

пиона Москвы мастера В. Алаторцева (см. диаграмму).

Копсаев, играющий белыми, смело и красиво завершает штурмовой марш пешек:

31. f5—f6! Фb3—e6

Если бы черные сыграли 31. ... Kрh8—g8, то 32. Ke2—g3 с последующим вторжением коня на f5 тоже решило бы партию в несколько ходов. Совсем плохо 31. ... g7:f6 из-за 32. g5—g6 с неизбежным матом.

32. g5—g6 h7—h6

33. Фb5:h6+! e7:h6

34. g6—e7+ Kрh8—g8

35. g7:f6+ Kрg8:f8

36. Лd7:d8+ Фe6—e8

37. Лd8:e8+ и белые вскоре выигрывают.

Результаты чемпионата таковы: первое и второе места разделили чемпион Москвы Алаторцев и молодой ленинградский первокатегорник Шамшев (по 14 очков из 21). Им пришлось звание чемпиона ВЦСПС. Третье место занял гроссмейстер Лиденталь (13 очков). На полочку занял его — Копсаев, Ровнер и мастер Рагозин и Чеховер. В 10-е места разделили мастер Лисицын, Соколовский и Толстун (по 12 очков), 11-е — Потгильф (11½ очков), 12-13-е — Васильев и мастер Мазель (по 11 очку). В него в финальном турнире играли 22 человека.

УМЕЕТЕ ЛИ ВЫ КОМБИНИРОВАТЬ?

Вот пять позиций, взятых из различных турнирных партий. Каждая из них содержит комбинацию, завоеванную материальное преимущество или решающее позиционное превосходство.

Найдите эти комбинации. Двадцать читателей, наиболее успешно справившихся с этим заданием, будут премированы. Срок отсчета ответов—25 мая.

Первая позиция. Белые: Kрh1, Фd4, Лa1, g1, Сb2, e4, p. a2, b3, c2, f2, h2(11). Черные: Kрg8, Фd7, Лa8, f8, Kb8, e5, p. a7, b7, c7, d6, f7, g7, h7 (13). Ход белых.

Вторая позиция. Белые: Kрg1, Фe2, Лa1, b4, Kc3, f3, p. a2, b2, c2, f2, g2, h2(12). Черные: Kрh8, Фg6, Лa8, g8, Сe6, Ke7, p. a7, b7, e6, d6, g7, h7(12). Ход белых.

Третья позиция. Белые: Kрg3, Лb5, Сe3, p. e5, f4, g4(6). Черные: Kрe6, Лb1, Сb4, p. e5, f6, g6(6). Ход белых.

Четвертая позиция. Белые: Kрe1, Фe2, Лa1, h1, Сg2, Kз3, p. a2, b2, e4, f4, e2, f2, g3, h2(14). Черные: Kрe8, Фd8, Лa8, f8, Сb7, Kb8, c3, p. a7, b6, c7, d7, e6, f7, g7, h7(15). Ход белых.

Пятая позиция. Белые: Kрg1, Фd3, Лb3, d1, p. a2, c3, e3, g3, h2(9). Черные: Kрg8, Фe7, Лb8, h6, p. a7, b7, d5, f3, h7, b7(10). Ход черных.

Задача № 72 (для начинающих)

Белые, начиная, дают мат в два хода.

РЕШЕНИЯ («СМЕНА» № 3)

Задача № 67 К. Тушваной (с черной пешкой на g6). 1. Лb1—h1! b2—b1Ф, 2. Фh7:b1 b3—b2, 3. Фh1—g1X. Такое, как здесь, движение двух фигур по одной линии (второй в третий ход белых) называется «ористольской темой». Без пешки на a6 задача решается путем 1. a5—a6.

Задача № 68 В. Филиппова. 1. Лb8—g8! a3—a2, 2. Лg8—g6! и

т. д. Если 1. ... Kрa1—a2, то 2. Лg8—g3.

Задача № 69 Н. Пирогова. 1. Фe3—f3! Главные варианты: 1. ...Ke4—f6!, 2. Лf7:e7X, 1. ...Ke4—c3!, 2. Kc5:d3X, а также 1. ...Ke4—d6, 2. Kc5—d7X—содержат «продолженную» шашку. Автор этой задачи уже похвалил ранее «начинающих».

Задача № 70 Г. Соболева. 1. Kb5—d4.

Фото Р. Лебедев

Жены героических лавинцев Надежда Дмитриевна Шаршова и Наталья Петровна Кренкелев в гостях у актеров Москвы в клубе мастеров искусства. На снимке (слева направо): Н. Д. Шаршова, Н. П. Кренкелев за шахматной доской. Наблюдает за игрой: народный артист РСФСР орденосец Н. А. Светловодов и народный артист СССР орденосец И. М. Москвин.

СЛОВАРЬ «СМЕНЫ»

«АНШЛЮС»

Австро-Венгерская монархия в результате поражения в мировой войне распалась на несколько государств. Одно из этих государств — Австрия, насчитывавшая 6 миллионов 800 тысяч жителей, из которых часть говорит по-немецки.

Гитлеровское фашистское правительство провозгласило по отношению к Австрии лозунг «аншлюса» (по-немецки — присоединение). Германия потребовала от Австрии отказа от своей независимости и присоединения к Германии. Это требование поддерживала австрийская национал-социалистическая партия, являющаяся агентурой германского фашизма.

Австрийские национал-социалисты, по указке Берлина, пытались произвести государственные переворот в 1934 году. В Вене произошло вооруженное выступление, в результате которого был убит канцлер (глава правительства) Дольфус.

Сменившие Дольфуса правительство Шушница сделало Австрию покорно за позицию. В 1936 году оно заключило с Германией соглашение, по которому обязалось придерживаться такой внешней политики, которая соответствует тому факту, что Австрия признает себя немешким государством. В феврале 1938 года Шушниц после свидания с Гитлером ввел в состав австрийского правительства сторонников Германии. Была объявлена «политическая амнистия», которая коснулась только национал-социалистов. Однако всего этого Гиттеру было мало.

12 марта германские войска вторглись в Австрию. Непосредственным поводом для агрессии являлся захват Ав-

стрии фашистской Германией явилось назначение Шушницом на 13 марта плебисцита. В этот день австрийский народ должен был сказать, желает ли он присоединения к Германии или готов бороться за независимость.

13 марта Австрия была объявлена «страной Германской империи». В стране был введен гитлеровский режим. Начался массовый террор против всех противников «аншлюса».

Осуществление «аншлюса» означало усиление фашистской агрессии и нарастание опасности новой мировой войны. Фашистская Германия получила общие границы с Венгрией, Югославией, Италией, Чехословакией — единственные из государств, входивших в состав бывшей Австро-Венгрии, которые сохранили демократический строй, — оказалась в фашистском окружении, и ее независимость угрожает величайшая опасность.

Всем миру было ясно, что оккупация Австрии германским фашизмом является проявлением наглой агрессии. Но Гитлер не сделал никакой попытки для возбуждения захватчика.

Буржуазно-демократические страны, в первую очередь Англия, предпочитают придерживаться политики уступок и поворачивания поджигателя войны.

Прошло лишь несколько дней после того, как 250-тысячная германская армия ворвалась на территорию Австрийской республики, как другой агрессор — Польша — стал свои войска к границам Литвы. По указке Берлина, польский фашизм решил захватить Литву. Литовское правительство приняло польский ультиматум. Но фашистские разбойники продолжают брехать оружием. Следует ожидать новых попыток польского военизма захватить Литву.

Советский Союз верен политике мира и всеозаботил всемерно способствовать делу укрепления мира между народами. Эта точка зрения нашей страны была изложена тов. Литвиновым в докладе на международном конгрессе.

Это произошло на профессиональном шахматном турнире в Кисловодске. Сильному, опытному шахматисту предстояла встреча с участником, игравшим значительно слабее его.

Он явился к игре с опозданием («Пусте новичок пока поинтересничает; это еще гротескнейший Шпаламиз рекомандован»). Небрежным жестом сделал первую ход: 1. h2—h4? После ответного хода черных белые сыграли 2. Дf1—h3? и затем 3. Лb3—c3?.

Судья турнира сделал замечание «чепиону» по поводу его подкерику безобразной игры. Но тот лишь с удивлением взглянул на судью: разве он не являлся игроком, как ему хочется? Он так и не понял, какой обидой для партнера была демонстративно небрежные ходы белых, этот «гамбит званьяк».

Уважение к партнеру, уважение к самой игре является не писанным, но обязательным правилом в шахматной игре.

«Мелочи» в шахматной игре весьма ярко характеризуют того или иного игрока. Как часто приходится видеть такую сцену: один из игроков, сделав не лучший ход, вдруг спохватывается и требует, чтобы партнер разрешил ему «переходить»? «Поминишь, я в предыдущей партии дал тебе ход назад? Значит, и вправду теперь сделать другой ход. Начинаются уговоры, споры. Привыкнув в случае ошибки

выпрямлять ход назад, шахматист, сам того не замечая, становится безответственным игроком, ленится всесторонне обдумать ход, без толку двигает фигуры по доске.

Брат В. И. Ленина Д. И. Ульянов вспоминает, как на смешливый отнеслся Владимир Ильич (который, как известно, очень хорошо играл в шахматы) и в каком незадачном шахматисте.

«Помню как анекдот следующий случай на шахматном вечере в Самаре... За одной из досок сидели двое товарищей, брали ходы назад, спорили, горячились, шумели. Один нечаянно подставил под бой свою королю, друка отнята в мгновение ока. Поднялся невероятный шум и крик, оба игрока из-за стола, и потерепливший старался отнять свою фигуру. При общем хохоте Владимир Ильич крикнул: «Спрячь ее в карман!» Ход считается сделанным, как только рука отнята от передвинутой фигуры, — этого правила всегда должен придерживаться культурный шахматист.

Шахматная партия обычно собирается, кроме игроков, группу зрителей — «большедьяк». Редкий из них обходится «нейтральными» советами своим игрокам, подкалывают ходы. За игрой не пользоваться советами со стороны; наблюдая за игрой, не мешать игрокам — этих правил тоже нельзя забывать.

Решение кроссворда, помещенного в № 3

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Лова.
2. Ялик.
3. Зона.
4. Тур.
5. Пота.
6. Уух.
7. Уух.
8. Огт.
9. Кутлак.
10. Согол.
11. Манак.
12. Ошара.
13. Бакор.
14. Гарман.
15. Вадс.
16. Кальби.
18. Натру.
20. Юйр.
22. Тем.
26. Агу.
33. Пав.
34. Ою.
35. Мот.
37. Кравед.
38. Шит.
40. Фанатик.
43. Тет.
44. Юна.
45. Зол.
46. Тир.
47. Дю.
48. Кю.
52. Нав.
53. Пав.
54. Бам.
55. Тон.
56. Бю.
56. Бю.
57. Дюонне.
59. Шар.
60. Аю.
61. Кю.
62. Фаота.
64. Сентювер.
65. Мистиг.
67. Левков.
68. Сид.
69. Пубой.
71. Дюка.
73. Юра.
77. Камв.
78. Уаг.
79. Сант.
82. Крит.
83. Леда.
84. Анив.
87. Руат.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Лоз.
5. Огус.
9. Ковос.
11. Мус.
13. Зоолог.
15. Разин.
16. Оварина.
17. Турон.
21. Алака.
22. Как.
23. Гаг.
24. Ири.
25. Кю.
26. Атум.
27. Алай.
31. Лик.
32. Рур.
33. Помор.
39. Лотис.
38. Барар.
40. Фисон.
41. Мур.
42. Аог.
45. Фет.
49. Леперозид.
50. Ингалатор.
51. Липо.
53. Гитт.
55. Никк.
62. Валос.
63. Алам.
66. Бабул.
68. Силав.
69. Гол.
70. Иад.
72. Рагор.
74. Тобн.
75. Слоб.
76. Фокус.
80. Бис.
81. Тис.
82. Кляка.
85. Отра.
86. Облесик.
88. Ревон.
89. Амбюшон.
90. Рок.
91. Иридий.
92. Рид.
93. Став.

Содержание

Над райкой есть еще воздух (очерк). Л. Семенов — Фильмы, мобилизующие зрителя (рецензия).

Заметки об интересных книгах — Памятные даты. — Словарь «Смены» — Шахматы.

Рисунки художников: А. Шульца, В. Брискина и В. Фомичева, В. Коповалова, П. Клеттберг.

Фото: Я. Халил, И. Гудина, П. Смирнова, М. Гехмана, Р. Лемберг, В. Славиского.

На обложке: папанинцы встречают моряков «Мурман» и «Тайммер», фото «Союзфот».

На обороте обложки: «Последний снег», фото И. Гудина.

Отв. редактор М. П. Теретин

Зам. отв. редактора М. Л. Гольдберг

Оформление В. И. Уриш

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24, тел. Д-3-84-24

Славо в набор 16/III—1938 г. Подписано к печати 31/III—1938 г. Изд. № 370.

Формат 72×110 см. 4 печ. л. 88 000 зп. в печ. л.

Упомянутый Галланта № Б — 43192

Техред Л. Шуман

Заказ № 716.

Тираж 45 000

Типография Газеты «Правда» имени Сталина, Москва, улица «Правды», 24.

Цена 1 рубль

